

МАРТА
КРАЕВСКАЯ

ИДИ
И
ЖДИ
МОРОЗОВ

Мастера магического реализма (АСТ)

Марта Краевская

Иди и жди морозов

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)

Краевская М.

Иди и жди морозов / М. Краевская — «Издательство АСТ»,
2020 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-115255-0

В лесах Волчьей Долины верховодят лешие, в озерах водятся утопленницы, по ночам бродят призраки и упыри. Это уединенный край, которым когда-то владели оборотни, но сейчас от них остались одни страшные сказки да развалины крепости в лесах. Здесь у каждого села есть хранитель, но последний погиб в схватке с нечистью, и теперь его приемная дочь, травница Венда, обязана защищать местных жителей – вот только для такой ноши ей не хватает ни опыта, ни возраста. Но выбора у нее не остается, и теперь она не только заботится о людях, но и борется с собственными страхами, сомнениями и подступающим безумием из-за огромной ответственности. А тут еще проходит слух, что в долину возвращается Да Верн, последний оборотень, которого все считали мертвым. И Волчью Долину охватывает страх, так как, возможно, Да Верн пришел мстить за смерть собственных детей.

УДК 821.162.1

ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-115255-0

© Краевская М., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Право мужей и отцов	7
Глава 2. Они среди нас	16
Глава 3. Кому эта девочка предназначена	33
Глава 4. Меня ждешь?	43
Глава 5. Нечего бояться	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марта Краевская

Иди и жди морозов

Marta Krajewska
IDŹ I CZEKAJ MROZÓW

Copyright © Marta Krajewska
© Ирина Шевченко, перевод, 2020
© Елена Шевченко, перевод, 2020
© Василий Половцев, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

– Волчья Долина, – прохрипел старик. – Не ходите дальше...

Он закашлялся кровью, внезапно вытянувшись как струна, протяжно застонал, скрючившись в предсмертных судорогах, и вот уже мертвые глаза таращились на верхушки деревьев.

Женщина в красивых одеждах наклонилась, чтобы расслышать его слова, на мгновение замерла над телом, словно ожидая, что старик еще что-то скажет, протянула руку и закрыла ему глаза. Затем выпрямилась, расправила кроваво-красное платье.

Горный лес был окутан вечерним туманом. За спиной путешественницы нетерпеливо топтались два коня. Они устали, так как всадники бродили среди деревьев с самого утра.

– Что он сказал? – спросил вооруженный мужчина, наклоняясь в седле. – Куда на тракт?

В раздумьях, его спутница медленно повернулась, поправила лютню, привязанную к седлу.

– Не успела спросить. Придется тут заночевать, похоронить его. Но мы уже близко. Этот человек – хранитель долины. Я рассказывала тебе о нем, – повысила она голос и еще раз взглянула на старика. После смерти его лицо словно разгладилось, оно смотрелось так странно рядом с жестоко растерзанным телом и окровавленной культей вместо правой руки.

Тот, кто ее оторвал, утащил добычу с собой.

Глава 1. Право мужей и отцов

Дочь знахаря бежала через лес, лавируя между соснами. На лице застыло упрямство, а темные волосы спутались от быстрого бега. Сейчас она думала только о том, чтобы не споткнуться о корень или не попасть ногой в скрытую под листвой нору. Судя по выражению глаз, вперед ее гнала ярость. Стрелой она выскочила на поляну, раздвигая на бегу ветки деревьев, растущих на краю леса. Перепрыгнула нагретый солнцем куст ежевики. Зацепилась ногой за прошлогоднюю лозу, потеряла равновесие и, коротко взвизгнув, упала на траву.

– Демоны Велеса! – выругалась она, быстро поднимаясь.

– Муу-уу!! – ответила ей корова, удивленная неожиданным появлением хозяйки.

Раздраженно отряхивая платье, девушка внезапно замерла, резко выпрямилась и пружинистым шагом подошла к животному, которое все еще непонимающе тараторило на нее.

– Ах ты, зараза! – крикнула она, а корова от удивления перестала жевать. – Я собственными руками оторву твою рогатую... – Она внезапно замолчала, заметив сидящих рядом на траве женщину и девочку. – голову, – закончила она медленно. – Здравствуйте, госпожа Вильо.

Женщина едва заметно кивнула головой, еле сдерживая смех.

– Привет, Венда.

Госпожа Вильо отличалась тем типом красоты, которая не поддается влиянию времени. Сколько Венда помнила, Вильо всегда выглядела так, и ни беременность, ни роды, ни трудная жизнь в горах не испортили ее фигуру. Черные как смоль до пояса волосы падали на спину прямыми, тяжелыми прядями, сияя на солнце. Черные глаза искрились весельем.

С запутанными волосами и покрасневшимся от бега лицом Венда ощущала себя огромной и неуклюжей. И к тому же была абсолютно уверена, что госпожа Вильо никогда не гонялась за коровой по лесу и не приземлялась на куст ежевики. И уж, конечно, не при свидетелях.

– Так и думала, что в конце концов ты придешь, – женщина усмехнулась, движением головы указывая на корову. – Снова убежала?

Девушка кивнула, присаживаясь на траву.

– Приходится постоянно следить за ней, – буркнула она угрюмо. – Ну а как иначе? У меня столько работы, а хранитель постоянно или решает какие-то страшно важные дела, или людей лечит. Лучше бы детям поручил пасти корову, но он настаивает, и что бы я ни говорила – не уступит. Все время слышу, что за горами коровы на привязи пасутся и как-то не убегают. Хотя хранитель знает лучше, жалко попусту слова тратить!

Вильо нежно улыбнулась дочери. Огоньку было пять лет, и по сравнению с матерью она выглядела несуразно. Рыжая, конопатая, неуклюжая, очень похожая на своего некрасивого отца. Вильо любила дочь больше всего на свете, но в последнее время очень боялась за нее. Даже сейчас в ее голове роились тысячи страхов.

Она решила сменить тему разговора.

– Придирается к тебе хранитель, да?

Венда всегда становилась разговорчивой, когда что-то сильно ее возмущало. Однако в этот раз она только хмыкнула под нос и буркнула:

– О да. Придирается. Очень придирается... Но знаете, это не в первый, не в последний раз, – усмехнулась она.

– Право мужей и отцов.

Венда невыразительно фыркнула, не желая дальше жаловаться на приемного отца. Это бы заставило ее нервничать. Она оперлась на локти и уставилась перед собой.

Луг тонул в лучах весеннего солнца. С трех сторон его окружал лес, создавая уютный уголок, наполненный пением птиц. Самым красивым тут было озеро, огороженное от поля рваной полосой камыша. Оно призывно искрилось на солнце, но в нем таились водовороты и

коварные глубины, готовые превратить невинную забаву в борьбу за жизнь. Люди говорили, что ночью в солнцестояние на берег выходят русалки, водяные, утопленники и другая нечисть, чтобы танцевать при свете луны. И беда тому, кто им в таких забавах помешает.

Минуту было слышно только пение птиц.

– Ну что там говорить, – наконец произнесла молодая знахарка. – Забираю это божье наказание, – она махнула в сторону коровы, – и возвращаюсь к себе, пока она не сожрала тут всю прекрасную траву. Пошли, ты... корова, – буркнула она, дергая веревку сильнее, чем это было нужно.

Огонек вежливо отступила назад, когда животное двинулось с места. Венда мило улыбнулась девочке и подмигнула ей.

И вдруг почувствовала, как сильно забило в висках. В ушах зашумело, она прикрыла глаза и скривилась от боли.

Время замедлилось, словно камень застрял в шестернях машины мира. Затих ветер в кронах деревьев. Прервали птицы свою трель. Замер теплый воздух. Воцарилась не столько тишина, сколько полное отсутствие какого-либо звука.

И в эту странную минуту знахарка видела только лицо маленькой девочки, которая стояла по колено в траве, с ураганом рыжих локонов вокруг лица, и неестественно черными глазами смотрела на Венду.

– Это сова ее напугала, – произнесла девочка чужим, взрослым голосом. – Если войдешь туда, волк не сможет тебя спасти.

У Венды пищало в ушах, виски пульсировали болью.

– Ч... что? – простонала она.

Все снова пришло в движение.

Зашумели деревья, запели птицы, корова сделала следующий шаг, кузнечики затрещали в траве.

Девушка удивленно заморгала. Привиделось? Потом она заметила, что глаза Огонька, стоящей по колено в траве, с ураганом рыжих локонов вокруг лица, оказались голубыми, как летнее небо.

– Ой... мамочка?! – Ребенок задрожал и испуганно присел на корточки.

Из ее носа потекла струйка крови. Вильо кинулась к дочери и начала вытирать ей лицо платочком, пытаясь скрыть волнение и ужас за успокаивающими словами. Венда наблюдала за ними с замешательством. И со страхом.

Она громко сглотнула слюну и задала типичный, глупый вопрос:

– Что?..

– Ох, ничего страшного! – женщина махнула рукой. – В последнее время с ней такое бывает. Немножко крови. Наверное, у Огонька ее слишком много, для такой маленькой девочки, – сочувственно улыбнулась она и обняла пухлые плечи ребенка. – Уже получше, малышка? Не крути головой, иначе... ну вот видишь, опять.

Девочка послушно отклонила голову назад, не отрывая глаз от лица матери.

Венда смотрела на Огонька, но никак не могла понять, что же собственно произошло.

– Она и раньше так говорила? – спросила Венда. Воспользовавшись случаем, корова осторожно выдернула веревку из рук Венды и почтительно удалилась.

Вильо подняла на знахарку растерянный взгляд.

– Что говорила? «Мамочка»? Естественно, говорила. А почему?..

– Нет, не это! – нетерпеливо прервала ее Венда. – Про волка и сову, и... – Она замолчала, потому что наткнулась на полный непонимания взгляд. – Ну... такие странные вещи...

Она замолчала, внезапно ощутив себя идиоткой. По крайней мере, она посмотрела на себя глазами Вильо и увидела идиотку. Сейчас она и сама не была уверена, что минуту назад что-то произошло, просто немного крови из носа малышки, а ей самой привиделось.

– Ну это... я уже пойду, – тихо произнесла она, наблюдая за Огоньком.

Малышка прижимала платок матери к носу и дышала открытым ртом. И кроме этого не было ничего необычного.

Знахарка медленно развернулась и пошла за коровой. Когда она подняла веревку с земли, ее голову пронзила боль, от которой перед глазами закружились красные пятна, а в ушах зашумело.

– Мама, у меня голова болит, – услышала она за спиной детский голос и снова на мгновение ощутила, что что-то не так, как должно быть. Она оглянулась на две фигуры и с тревогой в сердце пошла домой.

* * *

Они следили за ней из-за деревьев. Видели, как задумчивая девушка ушла, уводя с собою корову. Смотрели, как молодая женщина вытерла последние следы крови с лица малышки. Наблюдали за тем, как девочка оттолкнула руку женщины, пытаясь подняться, но снова упала на траву. Мать журила ее, стараясь придать голосу хоть немного твердости.

Старуха хмыкнула под окровавленный нос, и ее лицо покрылось паутиной мелких морщинок. Она прожевала то, что было в ее беззубом рту, после чего сплюнула в сторону. Рослый мужчина, возвышавшийся над старухой, даже не обратил внимание на кровавый комок, что попал ему на ногу.

Оба сосредоточенно наблюдали за сценою, что разыгралась на поляне, замерев в ожидании. Мужчина с волчьими глазами, сросшимися бровями и обветренным упрямым лицом был больше похож на лесное существо, чем на человека. А сторбленная старуха, что доставала ему едва ли до пояса, был окутана запахом трав и аурой безграничной, неисчерпаемой злобы.

Они стояли и смотрели.

Смотрели и ждали.

* * *

Тропинка вела между деревьев вглубь весеннего леса, между сосен и елей с молодыми, зелеными ветвями, между папоротника и ягодных кустов, аж до старой часовни, стоящей под еще более старым, буйным дубом со скрюченными от времени сучьями.

Весело щебетали птицы, тихо шумел дуб.

Атра впитывала этот прекрасный день, этот чудесный миг всем своим естеством. Всем своим семнадцатилетним, стройным и гибким телом. Кошачий взгляд скользил по окрестностям, не задерживаясь на деталях. Золотые локоны, раскиданные по траве, блестели, ловя солнечные лучи в медных отблесках. Круглые, молодые груди поднимались и опускались в такт возбужденному дыханию. Стройные ноги, освобожденные из плена тяжелых юбок, жадно оплетали узкие, лишь наполовину реальные бедра любовника. Ее ладони нежно блуждали по его спине, деликатно царапая прохладную кожу.

Когда он сильно, почти грубо прикусил розовый сосок, она застонала, задохнувшись лесным воздухом. Сильнее сжимая его холодные бедра, она напряглась, когда неожиданно пришла долгожданная волна удовольствия. С влажных, полуоткрытых губ сорвался стон, Атра прикрыла глаза и отдалась наслаждению. Сквозь феерию золота под веками она почувствовала, как он догоняет ее, как болезненно и восхитительно впивается в ее груди. Она погрузила пальцы в черную шевелюру и прижала его к себе еще сильнее.

С силой. С жадностью.

Золотые вспышки медленно исчезали, ускоренное дыхание замедлялось, дикость сменялась спокойным покачиванием.

Атра усмехнулась, снова услышала щебетание птиц и успокаивающий шум старого дуба. Она ощутила, что снова осталась одна. Как обычно, без лишней сентиментальности, ее партнер ушел не попрощавшись. Как будто в тумане, она слышала его шаги. Они не отдалялись, а быстро и решительно приближались. Она поправила одежду.

– Атра, ну как обычно! – грубый голос вырвал ее из блаженства. – Ну я так и знал, что ты будешь тут. Идем, твой отец хочет с тобой поговорить. Мне кажется, это что-то важное.

Она открыла глаза и неспешно потянулась. Вытащила несколько шпилек из буйной шевелюры и сладко зевнула.

Ее сосед, молодой Ирке, сын пасечника, упер руки в боки и с высоты рассматривал ее критическим взглядом. Потом выдохнул, покачал с недоверием головой и сказал:

– Не знаю, что тебя так сюда тянет.

Она пожала плечами с невинной улыбкой.

– Люблю тут вздремнуть, как-то так...

Никто не знал, что связанные цепями могил, проклятые навещали ее во снах.

Парень хмыкнул в ответ и растерянно огляделся.

– Вздремнуть, понятно. Полный покой...

Она одарила его сладкой улыбкой и поднялась, от недавней забавы у нее закружилось в голове. Ирке оглядел ее полным недоверия взглядом.

– Нет ничего лучше, чем вздремнуть у ворот Кладбища Проклятых, – язвительно сказал он. – Прекрасное местечко, Атра.

Девушка скользнула взглядом по кривому, запавшему надгробью, стоящему рядом в траве. Она поправила платье, спадающее с плеч.

– Лучше не придумаешь... – непонятно пробормотала она и потянулась как кошка.

* * *

Сердцем долины было озеро, созданное двумя встречающимися тут ручьями. В зеркальной поверхности отражались деревянные избы, покрытые соломой. Они жались на берегу, низкие и в основном без окон. Украшали их только медленно зеленеющие после зимы сады. Белый дым поднимался из отверстий в крышах. В маленьких хозяйствах кудахтали куры, сонно мычали драгоценные коровы и волы. Несколько свиней рылись в отходах между постройками, окруженными плетеными заборами. Деревушка стояла тут сотни лет, притаившаяся в горной долине, забытая всеми.

Хотя не всегда тут было так спокойно.

На холме виднелись руины старого замка. Его темные, молчаливые контуры выделялись на фоне неба. И если кто-то смотрел на него, возвращаясь с поля или спеша в корчму на кружечку чего-нибудь холодного, то не мог избавиться от впечатления, что замок следил за каждым его движением.

И, как в давние времена, он ждал жертвы.

Дни проходили лениво, а жизнь текла медленным, установленным много лет назад, порядком. Но ночью... ночью ситуация менялась. То, что при свете дня ускользало от людей, оставаясь незамеченным, после захода солнца набирало силу и отправлялось на охоту. Ночь не принадлежала людям, и жители Волчьей Долины знали об этом лучше, чем кто-либо другой. Руины замка на скальном выступе пробуждали воспоминания о недавних временах. А если какой-нибудь юнец не помнил их, если не верил рассказам... Его искали долго и настойчиво. Днем. Иногда, что было еще хуже, находили. И тогда по ночам вновь плотно закрывали двери.

В Волчьей Долине, у подножья старого замка, часто вспоминали последних хозяев и вздыхали с облегчением, что все уже в прошлом.

Когда солнце клонилось к западу и большинство полевых работ откладывалось на следующий день, в корчме собиралось несколько десятков мужчин. Когда они выходили из изб, их жены суетились по хозяйству, укладывали детей или чинили портки – и провожали их напряженным, полным ожидания взглядом. Если бы они хотели, то тоже могли бы пойти в корчму, чтобы спорить и решать судьбу поселения. Обычно они так и делали, и часто именно они спорили громче всех. Но сегодня мало кто из них хотел выходить из дома вместе с мужьями. Не в этот вечер.

Мужчины собирались за длинной лавкой в углу, на небольшом возвышении для музыкантов, на котором уже давно не играла музыка. Хозяин Ярт наливал посетителям пиво и мед. Потом вставал рядом, опираясь плечом о столб и скрестив руки на груди. Его сын Имир вытирал кружки, ловя каждое слово их разговора. Он не был женат, потому не мог участвовать в споре, но он работал в корчме, и его не могли выставить, как других юношей.

– Прошло три дня, и никаких изменений, – заявил гробовым голосом усатый мужчина с избороденным морщинами лицом земляного цвета.

Остальные присутствующие вздохнули с облегчением, и тихий шум достиг ушей Имира, находившегося у стойки.

– Тогда, может, это медведь? – предположил кто-то неуверенно. Его проигнорировали.

– Отступитесь уже от моего сына, – грустный крестьянин обвел взглядом собравшихся, между которыми он сидел. – Он не был умным парнем, но ничего плохого не делал. Пора предать его земле.

Несколько мужиков грустно закивали. Часть признавала правоту несчастного отца, но кто-то все еще боялся. Они смотрели в пол или ерзали на стульях.

– Думаю, пора перестать смотреть на мертвых, – наконец произнес Костьян, рыжий муж госпожи Вильо, владелец лучшего хозяйства в деревеньке. – Три дня достаточно. Скоро начнет... – Он хотел добавить «вонять», но замолчал под горделивым и полным боли взглядом отца убитого мальчика. – Скоро русалия, – сказал вместо этого. – Нужно закончить дело до праздника.

Он почувствовал, что это прозвучало не слишком тактично.

– Ладно, три дня! – тут же выкрикнул кузнец, крупный бородатый крестьянин, сидящий в конце стола. – Но полнолуние будет сегодня!

– Лучше сразу осиновый кол в сердце забить и не ждать! – выпалил молодой парень, после чего закашлялся в платок, почти выплевывая легкие.

Отец мертвого ребенка прищурил глаза, его лицо покраснело.

– Никаких кольев, Стоян! – он ударил кулаком по скамье. – Пока не будем уверены, что Винне воскреснет, никто не проткнет моего мальчика, как какую-то тварь с Кладбища Проклятых! – вспомнив это название, он сплюнул на пол с омерзением.

– Так лучше подождать, пока он в вампира какого превратится и папашку первого растерзает, да?! – воскликнул Стоян и снова нервно закашлял в платок.

– Мы его к тебе отправим, труп ты ходячий! Самому уже и так жить недолго осталось, но первым кол вбивать и четвертовать других, ты... – Усатый вскочил с лавки, но сидящий рядом с ним Костьян схватил его за плечо железным захватом.

– Сядь, Тинне. Не будет никакого кола. Но кузнец прав, мы должны переждать полнолуние.

Крестьянин на конце стола едва заметно кивнул.

– Чего ждать? – возмутился скорбящий отец, вырвал руку и сел на место. – Три дня и три ночи мальчика в избе держали, следили и окуривали травами. Он не восстает. Это конец. Он мертвый, как колода, – он пытался злостью перекрыть отчаяние.

– Тинне, пойми нас, – присоединился к разговору молодой парень, недавно женившийся. Он усиленно пытался отпустить усы, но пока это выглядело скорее смешно. И голос у него

был теплым и спокойным. – У нас маленькая деревня, мы можем рассчитывать только на себя. Я понимаю твою скорбь по единственному сыну, но сам знаешь – то, что мы должны сейчас сделать, мы делаем всегда. Мы не знаем, что его убило, но смерть была жуткая. А у нас семьи, моей Лани только полгода, о ней думать нужно. Еще одна ночь – и похороним твоего сына, уверенные, что все мы в безопасности. Пойми это.

Его мягкий голос успокоил негодующего отца.

На минуту воцарилась тишина. Ждали согласия Тинне. Мужчина с необъяснимым выражением лица смотрел в свою кружку с медом. Даже Стоян пытался сдержать навязчивый, кровавый кашель.

– Мы удерживаем Винне между миром живых и миром мертвых три дня и три ночи, – наконец произнес отец убитого мальчика. Он поднял глаза и встретился взглядом с шоколадными глазами напротив. – А это мог быть просто медведь. Попытайся понять, Ларс. Я хочу похоронить сына.

Собравшиеся выдохнули. Имир, стоявший за стойкой, только сейчас понял, что задержал дыхание, ожидая согласия отца Винне.

– Тинне, ты злишься на нас без причины, – молодой Ларс наклонился вперед, сплел пальцы, опираясь на стол так, словно хотел оказаться к собеседнику как можно ближе. – Я тоже хотел бы похоронить мальчика как нужно, мы не делаем этого не назло тебе, ты хороший сосед и уважаемый хозяин. Но медведя можно распознать по клыкам, когтям, остаткам шерсти. Хранитель разбирается в таких делах. Он не был уверен. Ты хорошо знаешь, что это он наказал сторожить мальчика. Если уж хранитель не знает, что это за зверь...

– Ну конечно, а где хранитель? – спросил глубоким басом кузнец, перебивая молодого человека. Все вдруг встревоженно стали переглядываться.

– Его сегодня не было, – со своего места возле столба впервые отозвался Ярт. – Со вчера его тут не было.

– Мы должны подождать, что он скажет, – Стоян вытаращил свои водянистые глаза. – Мы не можем без него!..

– Странно, что он не пришел, – Костьян наморщил рыжие брови.

– Не пришел, значит, уже не придет, – решил кузнец. Всем было известно, что он один из немногих, кто не признавал непогрешимость хранителя во всех вопросах. – Самим надо решать.

И все снова посмотрели на Тинне.

А Тинне смотрел в кружку с медом, играл и вращал ее по дубовой столешнице.

– Тинне? – позвал его Ларс.

Отец мертвого мальчика вздохнул. Широкая грудь и намечающийся пивной животик поднялись и тяжело опустились.

– Одна ночь, – решительно заявил он, поднимая глаза на Ларса, хотя тот и был лидером группы не более, чем кто-либо другой. – Одна ночь. Сегодняшнее полнолуние, и все. А потом, клянусь Велесом, тот, кто встанет у меня на дороге к кладбищу, вернется к бабе без зубов.

* * *

Венда уже долго стояла возле окна, не решаясь закрыть его, все еще высматривая хранителя.

Задумавшись, она начала нервно теребить прядь волос. Чем темнее становилось, тем более чудовищные картинки возникали в голове, а страх сжимал сердце. Она снова вспомнила падающую звезду, которую заметила вчера, знак, что чья-то жизнь приближается к концу.

– Мяу?.. – ознаменовал свой приход проснувшийся кот, который полдня спал, а теперь застал пустую миску.

Девушка взяла его на руки. Он еще не успел похудеть после зимы и был мягким и теплым.
– Ну что? – вздохнула она, почесывая его порванное в драке ухо. – Не возвращается наш хранитель, не возвращается...

Она жалела, что вчера они поругались из-за пустяка.

* * *

Накануне она вошла в избу, он сидел, как всегда, за столиком под окном, склонившись над толстой книгой, куда медленно, аккуратно что-то писал.

Изба знахаря сильно отличалась от других изб в долине. Во-первых, там не было места для коровы из-за тесных сеней, а единственное окно было огромным для дома в деревне. И хотя ночью оно закрывалось деревянными ставнями, а на зиму вставлялась рама с бычьим пузырем, крестьяне крутили пальцем у виска из-за такой потери тепла. Еще сильнее их удивил стол, стоящий под окном. Хранитель поставил его так, чтобы свет падал лучше и не нужно было напрягать зрение, ведь днем он много времени проводил над книгами.

И сейчас он тут сидел, а услышав звук открывающихся дверей, не повернулся, не оторвался от писанины и не улыбнулся приемной дочери.

Венда безошибочно определила его настроение. В последнее время он часто был таким. Хмурился, бурчал что-то под нос, мрачно и раздраженно ворчал на нее.

Его все больше беспокоили мелкие болезни, все чаще он мазался странными мазями, которые она не могла распознать, готовил и пил мутные отвары с одурманивающим запахом. Старее, думала девушка и старалась не обращать внимание на колкости, смену настроения и нервозность хранителя. «Не отвечай, – повторяла она себе все время, – спокойствия ради».

Со стуком она поставила на пол ведро с вечерним удоем. Молока было не так уж много, но для них двоих и kota вполне хватало.

Хранитель поднял голову и задумчиво посмотрел в окно. Венда процедила молоко, а он все еще сидел в той же позе, с пером, занесенным над бумагой, слегка прищурившись. Она кидала на него косые взгляды, потом посмотрела на толстую книгу в красной коже. Каждая страница была заполнена заметками хранителя. Книга была ей знакома – собственно, это была та самая книга, которую ей нельзя было читать. Исписанная заметками, содержащими таинственную информацию, и хранившаяся где-то в избе, пока девушки не было. Это единственная книга, которая возбуждала в ней невероятное любопытство, и единственная, которую хранитель никогда не позволит ей прочитать.

Когда она хотела глянуть на исписанную страницу, хранитель очнулся от своих мыслей, дернулся, с глухим звуком захлопнул книгу и вскочил с места. Внезапно зашипел, съежился и сел обратно, а на его лице появилась гримаса боли.

Венда спокойно налила стакан молока и села за стоящий посреди комнаты стол.

– Может, с этим следует обратиться куда-нибудь, – буркнула она.

– И куда? – одарил ее злым взглядом мужчина.

Она сделала большой глоток, после чего ответила:

– К ведьме под скалой, к кому же еще?

Хранитель в ответ фыркнул, как дикий кот.

– Ну, конечно, еще чего...

Естественно, она ожидала такой реакции, поэтому не слишком волновалась.

– Я вижу, что твои мази и эликсиры не помогают, – спокойно продолжала она. – Это длится уже слишком долго, у тебя каждый раз болит что-то еще. То живот, то голова, то спина. Зачем себя так мучить?

Тем временем мужчина поднялся со стула, пересел к обеденному столу, налил себе молока и потянулся к накрытому салфеткой хлебу, лежащему посреди стола.

– Оно не сильно болит, – буркнул он, явно не желая продолжать эту тему.

Но Венда желала. На этот раз она не позволит сбить себя с толку.

– Понятно, что не сильно. Ты знаешь, как ты выглядишь? Глаза запали, кожа серая, словно высушенная земля, даже горбиться начал, – она покачала головой с видом сварливой бабы, ругающей упрямого ребенка. – Слушай, ты не можешь пить столько обезболивающих отваров, потому что они не лечат, а только облегчают симптомы. Ты же знаешь, что...

– Знаю, – вдруг рявкнул он, прерывая намазывание хлеба медом. – Знаю лучше, чем ты, соплячка. Я сам тебя этому научил. Не спорь со мной.

– А ты слушай, когда тебе желают добра.

– Следи за словами, девка! – Он одарил ее таким морозным взглядом, от которого большинство людей впадали в умственный паралич, а у самых болтливых случался паралич челюсти. А в сочетании с таким взглядом даже такое обычное слово, как «девка», звучало как самое сильное оскорбление.

Венда послушно замолчала, злая на себя, что послушалась его.

– А сейчас иди, – холодно бросил мужчина. – Мне нужно спрятать книгу.

Он поднялся, давая знак, что для него разговор закончен.

Венда почувствовала, что устала, и сдалась. Она пошла к дверям.

– Ты воспринимаешь меня как соплячку, а не знахарку, – буркнула она под нос. – Я уже взрослая, так много уже могла б...

– Правда? – прервал он. – Интересно, что такого ты могла б? Хотя, – буркнул он, – я берегу тебя для других целей.

– Бережешь? – кровь снова ударила ей в голову. – Для чего?

– Узнаешь в свое время.

Девушка закатила глаза.

– Хватит с меня этих твоих тайн и недомолвок!

– Венда, выйди! – прорычал вдруг хранитель, поворачиваясь к ней с яростью, превращавшей его лицо в чудовищную маску.

Девушка внутренне сжалась, хотя внешне сохраняла видимость твердости. Она знала, что проиграла. Снова.

Венда развернулась на пятках и ушла из избы, хлопнув дверями со всей силы.

Солнце почти зашло, заливая двор оранжевым светом. Девушка вышла со двора и остановилась немного дальше, на тропинке, что вела в сторону деревни. Она не могла вернуться, пока приемный отец не позволит ей. Она всматривалась вдаль невидящими глазами, в которых стояли слезы жалости и злости. Кот появился из ниоткуда, замурчал и начал тереться об ее юбку.

Через минуту хранитель прошел мимо нее, словно она была тенью. Накинул на плечи плащ и не сказав ни слова, двинулся в сторону деревни. Его воспитанницу не волновало, куда и зачем он уходит. В эту минуту она желала ему только зла.

Она подхватила кота, уткнулась лицом в мягкую, теплую шерстку, шмыгнув носом, и пошла в избу. В тот момент, когда она положила руку на щеколду, над ее головой захлопали темные крылья. Она испуганно сжалась. Но это оказалась всего лишь сова, которая тенью сорвалась с крыши и последовала за хранителем.

Венда вздохнула с облегчением и заперла дверь.

* * *

Она не видела хранителя всю ночь и весь следующий день. Он не вернулся домой, и девушка начала волноваться.

Кот замурчал, благосклонно принимая нежности. Он не разделял беспокойства своей хозяйки.

– Что-то случилось, – тихо сказала она. – Не было такого, чтобы он не приходил домой. Он так сильно не напивается...

Она опустила кота на пол.

– Мур?

Довольный кот потрусил к миске с высоко поднятым хвостом, уверенный, что хозяйке понадобятся свободные руки, чтобы приготовить ему еду. Однако он жестоко ошибся.

Венда накинула на плечи плащ из грубой шерсти и глубоко вздохнула.

– Подожди, – сказала она коту, что тарачился на нее с укором. – Как вернусь, получишь свой ужин. А сейчас мне нужно идти, пока не стало совсем темно.

Она вышла из избы и быстро пошла в сторону деревни.

Безмолвная тень отделилась от леса и незаметно последовала за ней.

Глава 2. Они среди нас

Озаряемое огненным ореолом солнце скрылось за горными вершинами. Весенний день сменила пахучая сырая ночь. После заката быстро темнело, и Венда боялась возвращаться в такое время. К счастью, дорога была недолгой, хотя с приемным отцом они жили в отдалении от густо застроенной деревни.

Их изба стояла на невысоком холме, фасадом выходила на деревню, а тылом упиралась в лес. Венда знала, что живет в сумраке. С детства она перевязывала раны хранителю, который возвращался непонятно откуда, порванный когтями и клыками, уставший сверх меры и молчаливый, словно камень. Поначалу ее переполнял страх. Вечерами за деревьями ей мерещились лешие и мамуны. А потом она выросла и привыкла. Чудовищ бояться не перестала, но, как и все дети, охотно слушала рассказы стариков про стригоев, полудниц и вампиров, и, хоть потом тряслась от страха, такие истории притягивали, как краюха хлеба с медом. Хранитель каждую свободную минуту учил ее изготавливать зелья, мази и эликсиры. Со временем начал показывать, как распознать опасное создание и справиться с ним, но эти знания ей еще ни разу негодились.

Она бежала по тропинке к деревне, ловя последние лучи солнца.

Она хорошо знала, откуда следует начинать поиски. Такое случалось и раньше.

Деревня была окружена горящими факелами, которые зажигались каждый вечер для защиты жителей. Раньше здесь был частокол, но последние владельцы замка приказали разобрать его. Крестьяне взбунтовались, но тех, кто кричал больше всего, быстро успокоили волчьи клыки и когти. Остальные со временем научились защищаться огнем от таившейся в темноте опасности.

Венда миновала круг факелов и быстро добралась до улочки, вдоль которой скалился разделяющий огороды плетень. Она замедлила шаг, восстанавливая дыхание. Старое здание корчмы являлось сердцем деревни. И хотя времена, когда здесь ночевали приезжие, давно прошли, вечерами шум все еще наполнял корчму, а мед и пиво лились рекой.

Девушка зашла в корчму как к себе домой. Хранитель и корчмарь были хорошими друзьями и часто общались, как и их дети.

– Венда? – Имир поставил перед клиентом кружку и, вытирая руки о фартук, поспешил к девушке. – Что ты тут делаешь так поздно?

– Ищу хранителя, – она нахмурилась, задирая голову, чтобы заглянуть парню в лицо. – Он был тут вчера? У вас ночевал?

Имир был очень высоким парнем с нежными зелеными глазами, в которых охотно утонула не одна жительница долины.

– Нет, не было его, – сказал он, пожимая плечами. – Сегодня тоже еще не появлялся. Только что закончилось собрание по поводу Винне...

– Да? И что решили?

– Пока ничего, – Имир понизил голос до шепота. – Но после сегодняшнего полнолуния, наконец, похоронят. Стоян и кузнец сопротивлялись. Люди хотели посоветоваться с хранителем, но он не пришел.

Она покачала головой.

– Он пропустил собрание? В такое время? Это совсем на него не похоже. Он не вернулся домой. Я думала, он вчера напился и ночевал тут, чтобы не возвращаться по темноте.

– У нас он точно не ночевал, – ответил Имир. – Спросим у отца.

Ярт получил корчму от родителей и намеревался оставить ее своему сыну. Они управляли корчмой несколько поколений и были единственной семьей, в которой у мужчин были гладкие, белые и мягкие руки. Имиру от отца достался высокий рост, но люди говорили, что

тонкие черты лица у него от матери. Венда не могла точно сказать, потому что не помнила его мать. Она исчезла очень давно...

– Не было его, – подтвердил Ярт, поговорив с девушкой. – Может, он в лесу? Ищет того, кто расколол череп Винне?

– Не знаю, мне он никогда не говорит о своих делах, – погрузилась знахарка. – А в последнее время мы не часто виделись.

– Подождем еще или пора созывать людей? – спросил корчмарь.

– Ночью никто никуда не пойдет, – ответила девушка. – Подождем до утра, расскажем остальным и отправимся в лес на поиски.

Они замолчали, но взгляды вышли очень красноречивыми. Если в долине кто-то исчезал, его следовало начинать искать раньше, чем он превратится в кого-то, кто найдет дорогу домой и выпустит кишки спящим родственникам.

– Имир! Ярт! – закричали со стороны зала. – Пива!

Корчмарь машинально кивнул.

– Я пойду, а ты займись Вендой, сынок. Удачи, – буркнул он молодым людям и перед уходом внимательно посмотрел на девушку. – Абы до утра нашелся. Живой или мертвый.

После чего удалился со жбаном пива, и Венда с Имиром проводили его мрачным взглядом.

– Ладно, я домой пойду, – сказала девушка. – Тут ничего не высидишь. Хранитель может вернуться, станет меня искать и наделает еще больше проблем.

Имир неуверенно, но с рыцарским блеском в глазах посмотрел на нее.

– Тогда я пойду с тобой, – заявил он. – Не хочу тебя пугать, но мы не знаем, что там охотится в ночи, и если хранитель...

Он не закончил, но того, что сказал, оказалось достаточно. Девушка только кивнула, и через минуту они вышли в ночь. Над лесом поднималась круглая луна.

Выйдя из корчмы, Венда поежилась от холода.

– Приветствую тебя, Месяц, небесный наследник... – машинально прошептала она заклинание, заворачиваясь в шерстяной плащ.

Имир вслед за ней поклонился яркой луне, и девушка услышала, как он шепчет традиционное приветствие. Не успели они сделать несколько шагов, как открылись двери корчмы.

– Имир, где ты? – воскликнул Ярт с осуждением в голосе. – Ты ничего не забыл?

– Спасибо, отец! – крикнул парень, поймав брошенный мужчиной топор. – Ох! – выдохнул он.

Ярт, что-то бормоча, вместе с ярким светом корчмы скрылся за дверями. Венда остановилась и удивленно посмотрела на лицо друга, а потом проследила за его взглядом на крышу. Кроме блеска луны она рассмотрела немного.

– Ты видела? – прошептал парень, показывая вверх. – Там что-то двигалось!

Девушка почувствовала, как замирает ее сердце.

– Не видела, – тихо призналась она, но машинально стала искать заткнутый за пояс нож.

Они стояли молча несколько минут, вглядываясь в конек крыши, и секунды тянулись, словно часы.

Через минуту Венда опомнилась и потянула Имира за рукав.

– Тебе, наверное, привиделось. Идем отсюда, пора двигаться.

Имир медлил. Несколько шагов он шел спиной, все еще глядя на крышу корчмы, выдающуюся на фоне синего неба.

– Может и так... – признал, наконец, неуверенным тоном и пошел за Вендой. – Наверное, привиделось. Это все из-за исчезновения хранителя. Если в лесу бегают что-то, что могло его убить, тогда мы...

Венда фыркнула.

– Знаешь, ты бы мог меня успокоить, а не пугать.

– Я только говорю то, что думаю.

Почти бегом они пересекли деревушку и большую часть дороги к избе знахаря. Все это время оба нервно вглядывались в деревья и кусты.

Они свернули с главной дороги на тропинку под гору, в сторону леса.

– Тебе одной не будет страшно? Может, лучше с тобой остаться? – предложил Имир. Он надеялся, что это прозвучало по-дружески, а не навязчиво.

– Ну, конечно, – буркнула Венда. – А утром мы должны будем пожениться, потому что люди не дадут нам жизни.

– А для тебя это такая страшная перспектива?

– Имир, что там? – Венда остановилась как вкопанная. – Там, на краю леса, видишь огонек?

– Сдурела?! – он решительно толкнул ее, а когда она стала сопротивляться, схватил за руку и потянул в сторону виднеющегося в темноте двора.

– А если это хранитель? – дернулась она.

– Лазит со светом, чтобы чудовища его лучше видели? Двигай ногами. Это огонек или еще какое-то дерьмо. Бежим!

Они отвернулись от света, чтобы не поддаться его магии и не свернуть на лесную тропинку.

За минуту они, запыхавшиеся, добрались до плетня и дверей избы.

Но дом встретил их глухой пустотой.

* * *

Что именно произошло с Винне, никто не знал. Одно было бесспорным: он не верил в существование Рода или вампиров, призраков или оборотней. Он убеждал друзей, что чудовищ на свете уже нет, что так старейшинам удобно пугать и контролировать молодых. Потому без колебаний он поспорил с парнями, что ночью дойдет до Кладбища Проклятых, заберет оставленный там днем ножик и вернется, пока не пропоет петух.

Сейчас нож лежал возле мертвого тела, хотя с кладбища его принес кто-то другой. Растерзанный труп Винне нашли на середине пути, и в глазах парня застыло удивление. Точнее, только в одном глазу, второй вытек вместе с частью мозга, после того как что-то мощным ударом размозжило ему голову.

– Лишь богам известно, который раз твержу тебе, что медведь бы головой не ограничился, – решительно заявил Стоян.

Изба Тинне была наполнена запахом трав, которые окружали лежащий на лаве труп. Дым рассеивал свет лучин, установленных вокруг изуродованной головы, покрытой белым полотном. Две маленькие сестры умершего спали за плетеной перегородкой. Родители пили пиво вместе с кузнецом Здамиром, его братом Стояном и рыжим Костьяном. Дальше от тела, у очага, грея старые кости, сидел дед, который то молчал, то бубнил что-то под нос, глядя на белый саван.

Шла четвертая ночь после смерти Винне. Плакальщицы настолько устали, что отупение подавляло горе, и единственное, чего они хотели, это дождаться утра и уже традиционно похоронить умершего. С нетерпением они ждали рассвета.

Тинне отодвинул деревянные ставни и выглянул через узкое окошко на улицу.

– Луна уже высоко и светит ярко, – сказал он. – Если сынок должен был встать, он бы уже встал.

Мать парня с облегчением вздохнула и вытерла слезы.

– Хорошо, – бородатый кузнец покивал головой. – Но для спокойствия посидим до утра.

Тинне скривился.

– Ну, я вас из избы не выгоняю. Налей еще пива, женщина. Выпьем за душу Винне в Навии.

Она налила, они выпили. Вытерли усы и бороды рукавами застиранных рубаш.

– Вы вчера вой слышали? – спросил Костьян, а когда присутствующие кивнули в ответ, продолжил: – Это тот с волчьими глазами мог напасть на Винне. Я тут себе подумал, что какое-нибудь лесное чудовище парня сожрало бы, а тот с волчьими глазами, как известно, злой, но людей не ест. Пока что. Он мог встретить Винне в лесу и убить его за то, что он человек. Все знают, какую злость на людей волкоглазые имеют.

Крестьяне скривились, переглянулись, обдумывая его слова.

– С этим можно согласиться, потому что хранитель не смог даже следов распознать, – сказал Стоян. – Волкоглазый недавно с гор вернулся.

– А, собственно, где он? – спросил Здамир с нескрываемым удовольствием. – Этот ваш хранитель? Разве он не должен сидеть тут с нами, чтобы защитить нас, если парень встанет?

– Должен, – признал Тинне. – Только его на совещании не было. Его девочка тоже искала...

Ему не нужно было заканчивать мысль, чтобы все подумали то же самое.

– Ну, ладно, – Здамир пожал плечами, не слишком беспокоясь. – Как потерялся, так и найдется. Налей еще пива, Тинне. Что? Чего уставились? Наверное, он пошел за тем, что вашего сына убило. Так что сейчас или он, или его. Что-то к нам обязательно припрется. Я уверен. Припрется, как всегда.

* * *

Он проснулся немного не в себе.

Страх куда-то исчез, он не многое мог вспомнить из того, что было. Из темноты его вырвал чудовищный голод. Тело сжигала горячка. С трудом он выбрался на поверхность, раскапывая рыхлую землю руками и сдирая ногти до крови.

Он лежал тут один час или несколько дней?

Это не имело значения. Только бы погасить эту странную жажду. Невыносимое ощущение, желание, которое не позволяло забыть о себе.

Лес тонул в темноте и в тишине, созданной десятками безмолвно движущихся существ.

Он чувствовал, как кто-то или что-то следит за ним из укрытия. Ощущал на себе то изучающий, то выжидающий взгляд. Слышал вой волка, притаившегося поблизости. Если бы только он мог сосредоточиться...

Ах, это искушение было непреодолимым! Как от этого избавиться? Как?!

Тропинка перед ним осветилась золотисто-синим, нереальным блеском. Это луна вышла из-за туч и пробивалась между верхушками деревьев.

Круглая.

Голод стал невыносимым. Он чувствовал, что, если его не утолит, сойдет с ума.

Он неуклюже потащился в сторону, куда его тянул инстинкт. Туда, где он, наконец, утолит назойливую жажду, что скручивала внутренности и наполняла голову нескончаемой болью.

К людям.

* * *

– Может, это и волкоглазый, – рассуждал дальше Костьян. – Но разве он мог лапой аж так размозжить череп?

– Леший... – неожиданно отозвался дед, оживая и широко открывая глаза. – У лешего есть дубина, и о-о-о, да! Он одним махом может размозжить голову!

Собравшиеся почувствовали себя неловко, но Тинне только закатил глаза.

– А отец снова за свое! Кто бы не устался, всегда леший виноват!

– Да, смейся над стариком! – дед зловеще погрозил ему кривым пальцем. – Я помню, когда принесли батюшку, некоторые тоже смеялись. А у него рожа была такая же, как у этого умника под тряпкой.

Тинне пренебрежительно фыркнул.

– Подожди, – вмешался Костьян. – Дед уже видел такое?

– Видел ли? – взорвался крестьянин и, пока сын не успел что-либо ответить, начал рассказывать: – Вся жизнь эта картина у меня перед глазами! Я был маленьким ребенком, когда принесли моего любимого батюшку, вот как этого сопляка. Отец деревья в лесу рубил и что-то ужасное его уколошило. Старики сразу сказали, что он замахнулся на святое дерево, которое леший любит, но молодежь, как и сейчас, не хотела верить в чудовищ и лесных духов. Нужно, видать, пожить в этих горах и на трагедии насмотреться, чтобы разума набраться.

– Кстати, отец, – удрученно произнес Тинне. – Через несколько часов рассвет, я хотел бы, чтобы ты закончил рассказ к тому времени.

– Да, да, – дед понуро закивал головой. – Некоторые никогда уже глаз не откроют, даже когда боги у них дитя отнимут.

Тинне замолчал, будто кто-то его ударил, а дед заерзал на пеньке, который служил ему стулом. Он наклонился в сторону собравшихся и продолжил:

– Похоронили мы отца под маленьким могильным холмиком, а через несколько дней крестьяне вернулись на участок, где отец деревья рубил. И снова начали рубить и вдруг слышат... – Дед повысил голос, но все и так слушали его. – ...слышат вроде шепот в кронах деревьев, то тут, то снова там, и каждый раз с другой стороны. Громче и громче зловеще шептало, аж пока двое самых умных крестьян не пустились наутек и до деревни добежали. А когда вернулись, из тех, кто не убежал, только один дышал. Он истекал кровью, потому что что-то сломало ему ногу. Но прежде чем дух испустил, успел еще сказать, что на них огромный медведь напал, а на медведе бородатый старик ехал и дубиной размахивал.

– Леший... – Костьян с почтением закивал головой.

Кузнец и Стоян уже были под впечатлением, и только Тинне исподлобья смотрел на отца.

– Леший, – подтвердил дед с ужасом. – Но это еще не конец. Похоронили убитых на кладбище и решили не ходить больше на тот участок леса. Но леший был разгневан и каждую ночь раскапывал могильные курганы убитых. Отца пощадил, может быть, потому, что из-за невежества он деревья рубил и понес заслуженную кару. А те другие виновны были, потому что знали. Они должны были понимать, что мой отец был предупреждением. И потому леший не дал им познать покой после смерти. Каждое утро могилы были раскопаны, словно мертвые хотели выбраться из них, но времени всегда не хватало. Даже Братмил, что тогда хранителем был, понял все и вместе с крестьянами пошел в то место в лесу, в святое место лешего, и посадил новые дубы. Извинился, покаялся и внезапно, – старик значительно повысил голос, – все закончилось, словно не было.

* * *

Венда не спала.

Она была не в состоянии лечь, зная, что с приемным отцом могло что-то случиться. Поставила дополнительную лучину снаружи в дверях, чтобы в случае чего отчим смог увидеть избу издали. Сама она сидела возле очага и размышляла. Кот спал на ее коленях, а она лениво гладила его.

В долине никто не исчезал просто так. Если же жена иногда искала мужа, всегда находилась кто-то, кто, случайно выглянув в окно, видел его в кустах с соседкой. Тут ничего нельзя было скрыть. Потому, собственно, хранитель, когда прибыл издалека, построил свою избу подальше от других. Для спокойствия. Никто, даже корчмарь, не знал, почему он оставил мир за горами. Высказывался мудро, разбирался во многих вещах – в травах и битвах, и никогда не нарушал барьер между собой и жителями деревеньки.

Никто не знал, от чего он сбежал. И никто не спрашивал, зачем он привез маленькую девочку, которая, как он утверждал, не была его дочерью.

Венда тоже этого не знала. А сейчас не могла смириться с мыслью, что может уже никогда и не узнать.

Она не на шутку расстроилась. Лучина, что освещала избу, сгорела до половины. Ее пламя трепетало, потревоженное ветром, задувающим через неплотно закрытое окошко. Девушка встала, наклонилась и выглянула наружу, заслоня ладонью глаза от света. Ветер разогнал тучи, и окрестности залил свет луны. На фоне леса отчетливо вырисовывались очертания плетня и вытопанной тропинки, что вела от калитки к дому. На полпути вдоль тропинки притаился маленький сарай для дров. Свет преломлялся на неровных грядках, занимающих почти весь двор. После зимы торчало несколько вечнозеленых трав и кустарников.

Было пусто и спокойно.

– Куда ты ушел? – тихо буркнула она под нос. – Кто, как не ты, должен был знать, что в полнолуние нельзя выходить из избы...

Из мыслей ее вырвал стук, доносящийся из сеней.

Девушка аж подскочила и отодвинулась от окна с круглыми, как блюдца, глазами. С сердцем у горла она тихонько подошла к дверям. Выглянула в темноту именно в тот момент, когда что-то тяжелое вновь ударило в стену между хлевом и избой. Потом с жутким долгим шорохом опустилось на пол.

Венда в ужасе таранилась в стену, словно могла просверлить ее взглядом.

Большинство людей в долине держали своих животных в избе, для тепла и удобства. Если корова должна была отелиться зимой, не нужно было вылезать из-под теплых шкур каждые несколько часов, чтобы ее проверить. Прислушиваясь к непрекращающемуся шуму, девушка пожалела, что хранитель не выделил помещение для животных, когда строил дом. Когда Варней подарил ему корову за то, что тот спас его жену при родах, со стороны сеней знахарь достроил маленький хлев.

Топтание и шарканье не умолкало. Венда боролась с собой: выйти или не выйти? Тут было безопасно. Но там была корова. Их единственная корова. Живая. Пока. Боже, как она бушевала.

Девушка по звукам понимала, что в помещении был еще кто-то. Тот, кто так испугал ее.

Выйти или не выйти?

Она немного успокоилась, по крайней мере, уговаривала себя успокоиться.

Она схватила палку, что на всякий случай стояла в углу сеней. Ее тяжесть придавала девушке уверенности. С бешено колотящимся сердцем она рванула двери. Она знала, что если откроет их медленно, то они пронзительно заскрипят и привлекут внимание всех созданий в округе к бедной выходящей в ночь жертве. Она не затворила за собой, чтобы в случае чего быстро вернуться. С палкой наготове Венда двинулась через освещенный потусторонним светом двор.

Шум из хлева то затихал, то усиливался. Корова, скорее всего, пыталась освободиться от привязанной к рогам бечевки и нервно ее дергала.

«Этот второй звук, – подумала Венда, как можно тише пробираясь на подмогу. – Словно... шум крыльев?»

Двери в хлев были открыты, и оттуда выглядывали лишь страх и темнота. Венда сделала несколько шагов. Крепче перехватила палку и переступила с ноги на ногу.

Из темноты прямоугольника дверей отделилась шумная фигура, которая словно стрела вылетела из коровника. Большая птица захлопала крыльями над головой девушки. Венда непроизвольно сжалась. От неожиданности ей не хватило сил даже закричать. Птица минуту висела в воздухе, словно одурманенная, потом, наконец, восстановила равновесие и полетела в сторону деревни.

С минуту девушка не знала, что делать. Так и стояла с палкой над головой.

Наконец с облегчением перевела дыхание.

– Сова, – буркнула она под нос, выравниваясь и опуская руки.

Потом посмотрела в сторону хлева, думая про корову.

– Это сова ее напугала...

Она замерла, слушая собственные слова. Вновь подкрался леденящий страх, щупальцами обхватил сердце и заморозил кровь.

Слова Огонька, произнесенные в тот странный момент, когда мир замер, сейчас сорвались и с ее языка.

Она не успела больше ни о чем подумать, потому что из хлева донеслось странное, ритмичное шарканье, которое на долю секунды ее парализовало.

Беги в дом – подсказывал инстинкт. Но другая часть разума быстро подкинула иную мысль: если войдешь, волк не сможет спасти тебя.

Она отступила на два шага, ощущая себя как маленький лесной зверек, который знает, что у него нет шанса убежать от хищника, наблюдающего за ним из темноты. Но то, что произошло через минуту, не могло присниться даже в самом страшном сне. Шарканье приближалось. В темноте маячила предположительно человеческая фигура, показавшаяся знакомой. Через мгновение Венда крикнула:

– Это ты?! – Она опустила палку. – С ума сошел, так меня пугать? И где ты был весь день?..

И снова она застыла от ощущения страшного холода в груди. Ледяной страх.

Хранитель сделал два медленных шага. Он едва отделился от тени, но этого хватило, чтобы при лунном свете увидеть четыре вертикальных следа от когтей, что тянулись от лба до подбородка, нечеловеческое застывшее лицо и разорванную одежду, покрытую бурыми пятнами. И пустоту на месте руки, оторванной от тела.

– Венн...нда, – с натугой захрипел мужчина.

Девушка отступила, как загипнотизированная вглядываясь в знакомое, но чужое лицо, искаженное... смертью.

– Но... как?.. – в ужасе пролепетала она.

Хранитель остановился, шатаясь, словно ему мешала рука, которую ничего не уравнивало.

– Быстррро, – пробормотал он. Странная судорога искривила его лицо, словно боль появилась и исчезла. Он вытянул руку в сторону девушки.

– Хранитель... – произнесла она затаив дыхание. – Ты не... ты...

Что-то за ее спиной грозно зарычало. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что это волк. Палка выпала из ее онемевшей руки. Дыхание ускорилося.

– Быстрррро... – снова захрипел хранитель, шатаясь на ногах. – Боллль...

На секунду что-то страшное вспыхнуло в мертвых глазах. С кровавых губ вырвался свист. Рычание за спиной Венды стало громче.

Хранитель сжался, а когда снова поднял голову, боли в его глазах стало больше.

– Книг... – почти неслышно пробормотал он.

Девушка сразу поняла, о чем он говорит.

– Я не знаю, где она, – прошептала в ответ. После чего повторила громче: – Не знаю, где ты ее прячешь, забыл? Ты должен...

Она не закончила.

Мертвеца снова скрутила какая-то сила, неестественно выгнула его назад. В глазах появился тот же опасный блеск, а с губ сорвался рев. Та часть существа, которая все еще принадлежала хранителю, пыталась удержать контроль над чудищем, жаждущим только человеческой плоти.

К несчастью, она проиграла.

Неожиданно быстро живой труп двинулся вперед, вытягивая к Венде свою уцелевшую руку с растопыренными пальцами, словно когти атакующей птицы.

Девушка испуганно вскрикнула.

Темная фигура выскочила из-за спины и кинулась на хранителя, заталкивая его назад в темноту хлева. Внутри заклокотало.

Венда только и смогла, что сделать несколько шагов, и огромными глазами таранилась на дверной проем.

«Бежать», – подумала.

«Корова», – тут же пришло в ответ. Ее подопечная.

Она огляделась. Вилы и коса находились в хлеву. Девушка направилась к дровянику. Просунула руку внутрь вдоль проломленной крыши и нащупала топор. И как обычно бывает в таких ситуациях, его заклинило, и Венда дергала топор, ругаясь на чем свет стоит, пока не вытащила его. Она повернулась к хлеву как раз вовремя, чтобы увидеть, как огромный волк проскальзывает в дыру в плетне. Он не обернулся, просто исчез в темноте, сливаясь с лесом.

Минуту она смотрела ему вслед, одновременно прислушиваясь к звукам в хлеву. Но кроме топанья коровы, все еще возбужденной и отупевшей от паники, не слышно было ничего подозрительного. Сжимая в руках топор, Венда побежала к дому. Схватив лучину и удерживая ее высоко над головой, чтобы не слепить себя, она кинулась на помощь животному, вооруженная и готовая к бою.

Сначала она увидела ноги.

Девушка вошла внутрь, освещая себе дорогу. Труп хранителя лежал на полу с серебряным гвоздем, вбитым глубоко в лоб, и сейчас он точно был мертвым. Корова подозрительно таранилась на девушку, втиснувшись в самый дальний угол хлева. Венда подошла и распутала бечевку, успокаивающе разговаривая с животным. Через несколько минут корова начала приходить в себя. Венда гладила жесткий широкий нос, радуясь тому, что рядом с ней обычное живое существо. Похоже, ее присутствие и тихий голос принесли неопишное спокойствие и корове. Потом девушка вернулась к трупу. Удивительно, но она не плакала.

Венда села возле приемного отца, сложив руки на коленях.

Как замороженная, она вглядывалась в чужое лицо. Ее преисполнило облегчение. То, что она видела, не имело ничего общего с хранителем, которого она знала. Девушка глубоко вздохнула. Его уже нет, думала она. Это был не он.

Она накрыла труп дерюгой и вышла, закрывая за собой двери. В этот раз на щеколду. Потом до рассвета сидела за столом, пила мед и думала. Она не могла понять, что стало с хранителем. Почему на помощь ей пришел волк? И как он забил хранителя в голову серебряный гвоздь?

* * *

– Рассвет.

В избе Тинне плакальщицы вздохнули с облегчением.

– Долгая была ночь, – кузнец встал с пенька и расправил свои большие плечи.

– Но хорошо, что закончилась, – добавил его брат Стоян.

– Да, все мертвые на своих местах, – засмеялся кузнец, но Тинне одарил его убийственным взглядом и уже хотел что-то прорычать в ответ, когда они услышали стук в двери корчмы, что находилась по соседству. Они вышли из избы и в сером свете начинающегося дня увидели Венду, стучащую в двери дома.

Вскоре все жители собрались во дворе дома знахаря, и девушка повела их напрямик к хлеву. Она спокойно зашла, жестом показала на кучу, прикрытую дерюгой, из-под которой торчали только ноги. Ярт присел и обнажил голову убитого. Все, кроме Венды, непроизвольно скривились.

– Ради Эллениале! Что его так успокоило? – спросил Тинне слабым голосом.

– Не знаешь, Венда? – кузнец головой показал на торчащий из лба хранителя серебряный, длиной в две с половиной ладони, гвоздь.

Девушка едва заметно вздрогнула.

– Знаю, – неохотно ответила она. Венда колебалась лишь мгновение, потом решительно ответила: – Я. Но он уже был мертвым. Пришел мертвяком. Сам не знал, то ли за помощью, то ли чтобы меня съесть. Потом кинулся на меня, но у меня в руке уже был гвоздь и... он сам научил меня защищаться...

Она задрожала, а Имир обнял ее за плечи, утешая. Она не протестовала. Грустно смотрела на труп у своих ног.

Ярт накрыл тело дерюгой.

– Я верю тебе, девочка. – Он покачал головой. – Главное, чтобы все поверили.

– А почему они не поверят? – неожиданно возмутился Тинне. – Видно же, что он без одной руки и шрамы от когтей... при таком раскладе, тут должна быть лужа крови.

Ярт машинально оглянулся в поисках следов, которых тут не было.

– Ну и рука тоже... – смутился Стоян. – Она должна быть где-то тут, а ее нет. Но можно было перенести тело, это не обязательно должно было произойти тут.

Тинне фыркнул.

– Оглядись, Стоян. Хлев выглядит, как побоище, видно же, что боролись тут.

– Да, – кивнул кузнец. – Или Венда убила хранителя, притащила сюда и для видимости перевернула ведра и косу.

Тинне открыл рот, чтобы запротестовать, но передумал.

– Девушка не подняла бы такого мужчину, как хранитель, – сказал он через минуту, но не так уверенно.

– Кто-то мог ей помочь, правда? – кузнец пожал плечами.

– Ну знаете что?! – возмутился Имир, аж дрожа от злости.

Венда успокаивающе похлопала его по руке. Она ожидала этого. Кому-то это должно было прийти в голову.

Она покивала головой, заставляя себя улыбнуться.

– Понимаю, – ответила спокойно. – Знаю, на что это похоже. Но правда в том, что я не убивала хранителя.

– Мы знаем, – поспешно заверил ее Ярт.

– Для меня правда очевидна, – лояльно заявил Тинне. – Было так, как говорит Венда. Все, что мы тут видим, убеждает меня в этом.

– Ну да, – вздохнул корчмарь. – Доказательств достаточно. Тем более, то, что убило Винне, все еще бродит там.

– Леший...

– Отец? – Тинне поискал глазами. – Мой отец тоже тут?

– Какой леший? – удивился Ярт, на что поднялся ропот среди тех, кто сторожил этой ночью умершего, а Тинне замахал руками, как мельница.

– Ради Элениале, даже не подпускай его!

Ярт открыл рот, но потом закрыл, ничего не сказав, и повернулся на шум в хлеву.

– Ну так как?

Как-то машинально все посмотрели на кузнеца. Тот кинул странный взгляд на девушку.

– Ладно, я верю, – с неохотой произнес он. – Но мы не похороним его в кургане. Закопайте его на Кладбище Проклятых. Это правильно.

Знахарка вяло кивнула.

– Пойдемте скажем людям, – вздохнул Ярт.

Венда вышла из хлева последней. На первый взгляд твердая и рассудительная, внутри – слабая от горя и усталости. Когда мужчины направились к деревне, Тинне положил ей руку на плечо с видом человека, который редко позволяет себе такую фамильярность.

– Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, девочка, – сказал он тихо. – Знаю.

Потом он направился за остальными, а Венда осталась во дворе одна. Корова замычала, сердитая, что никто из людей не кинул ей сена.

«Ничего ты не знаешь, – подумала девушка, с грустью глядя на уходящих. – Твой сын не встал из мертвых. Не разговаривал с тобой. И похоронят его среди своих, а не среди проклятых».

Как чудовище.

* * *

В тот день в долине было двое похорон. Одни на деревенском кладбище, где сложили костер и останки стали пеплом. Прах похоронили в мелкой могиле с любимым ножиком Винне, жбаном меда и калачом, чтобы он смог оттрапезничать в новом мире и имел что-то дорогое сердцу.

Странные были эти похороны. Из-за отсутствия хранителя церемонию проводил Тинне, прося подземных богов, Велеса, великих змей и демонов о милости для своего сына. Засыпание землей сопровождалось плачем женщин и молчанием мужчин. Каждая семья приносила какой-нибудь дар для убитого, а после возведения небольшого кургана над урной с прахом все делились скромной едой. В конце Тинне взял глиняный кубок, из которого символически пил дух его сына, вылил пиво на курган, а сам кубок разбил, оставляя черепки на могиле.

– Больше уже на этом свете тебе не пить, сынок, – прошептал он.

Мать парня, что стояла рядом, начала рыдать, и он прижал ее к себе. Посмотрел на горстку людей, которые медленно расходились по домам, оставляя родителей на кладбище. Как всегда в таких ситуациях, пришли почти все жители деревни.

Не хватало только троих. Они старались до захода солнца успеть со вторыми похоронами.

Имир и Ярт копали могилу в мягкой земле на краю болота. Тут хоронили только тех, кто не заслужил святой, очищающий огонь. Не заслужил счастье в загробном мире, потому что восстал из мертвых и был злым. Венду грызла совесть, и она была поражена, насколько легко у остальных жителей долины поклонение хранителю и слепое повиновение его решениям сменились страхом и неприязнью.

Это место находилось далеко от деревни. И вела к нему узкая, но хорошо протоптанная тропинка через лес. Им понадобилось много времени, чтобы перенести сырой деревянный, наскоро сколоченный ящик, который должен был служить хранителю гробом. Потом мужчины принялись копать. А сейчас уже было далеко за полдень, и между деревьями сгущалась тьма.

Венда стояла рядом, разглядывая окрестности. Она редко тут бывала, не более двух раз в жизни. К тому же, Кладбищем Проклятых пугали детей. При свете дня тут было не так страшно, если не принимать во внимание тот факт, что это было местом захоронения. Низкий, разваливающийся забор окружал территорию полукругом, а с другой стороны к нему подсту-

пало болото. Когда-то это кладбище окружала довольно большая стена, но вскоре после восстания одного из похороненных тут чудовищ она доказала свою бесполезность. От нескольких сотен лет уцелела только часть осыпающегося ограждения. Болото напозало на кладбище медленно и незаметно, но неотвратимо. Вместо стены люди поставили плетень, чтобы определить условные границы оскверненной злом земли. С болотом ничего не делали. Во-первых, делать было нечего, а во-вторых, они втайне надеялись, что в конечном счете оно поглотит всех чудовищ, спящих в своих могилах.

Спящих, не мертвых. Их нельзя было убить. Они будут тут лежать, пока их навсегда не поглотит болото. Или пока кто-то не откроет гробы, не вытащит серебряный гвоздь или другой амулет, который удерживал их в земле сотни лет.

Добрые люди покоились под курганами на кладбище в деревне. А тут спали оборотни, стригои и вампиры, которые убивали людей, пили их кровь, пожирали мозги, сеяли страх, пока, наконец, героическими усилиями жителей деревни не были убиты и заключены под этими камнями и плитами, часто в железных гробах, окруженных травами и усыпляющими чарами.

Прямо у входа на кладбище рос огромный шелестящий дуб, а рядом с ним умирала часовенка, такая старая, что с трудом можно было распознать, для какого божества ее возвели. Вероятно, она была построена теми же людьми, которые соорудили стену, еще со времен расцвета мрачного замка, хотя его владельцы не лежали ни тут, ни на деревенском кладбище. Они не лежали нигде.

– Хорошо, достаточно, – решил Ярг. – Венда, подай стремянку.

Девушка опустила ее в глубокую могилу. Мужчины по очереди вылезли оттуда, уставшие и перепачканные в земле. Но времени на отдых не было. Солнце садилось, приближалась ночь. Они опустили опутанный побегами подмаренника и наполненный амулетами гроб вниз, что заняло у них какое-то время. Потом втроем стояли над зияющей влажной холодной ямой. Венда преломила на четыре части небольшой рогалик. Без слов кинула один кусочек в яму, он тихонько ударился о гроб.

– В последний раз мы разделяем с тобой пищу, хранитель Брехур, – произнесла она традиционную формулу. – Чтобы тебе хватило сил по дороге в загробный мир, куда сейчас мы тебя провожаем.

Они ели без аппетита, долго пережевывая, потому что рогалик будто застревал в горле. Потом начали быстро засыпать яму. Уже не было времени, чтобы Венда могла просто стоять и смотреть, она должна была им помогать, если они хотели уйти отсюда до темноты. Около минуты слышались удары земли о ящик, потом – только мерное дыхание и ритмичный шум падающих комков. Все шло довольно быстро.

Когда они закончили, еще не было поздно, но в лесу темнело раньше, и природа уже начала обесцвечиваться. Венда вытащила из узелка последний важный предмет – толстую длинную свечу. Она поставила ее на утрамбованный холм могилы и зажгла.

– Брехур, взываю к тебе, – сказала она тихо, наклонившись над свечой. – Я, Венда, зажгла этот свет для тебя, чтобы он провел тебя через мрак между мирами прямо к Навии. Иди за этим светом, Брехур, доверяй ему. А когда доберешься до конца своего пути, задуй ее, чтобы я знала, что ты спокойно заснул.

Они задержали дыхание на несколько секунд. Говорили, что если зажженная свеча сразу погаснет, то это означает, что дух не хочет уходить и не намерен упокоиться. Однако в этот раз пламя горело ровно, не потревоженное даже малейшим дуновением ветра. Они тихо с облегчением выдохнули. Венда накинула на голову шерстяную шаль, которой до этого укрывала плечи.

– Иди, Брехур! – она взяла свечу в руки. – Ступай за светом. Я выведу тебя на путь.

Она повернулась и встретилась взглядом с Имиром.

– Иди, – шептал тот. – Мы справимся. Есть еще время до темноты. Я приду к тебе утром.

Она кивнула. Потому что до конца ритуала она не могла отвечать никому из живых. Дух мертвого слушал, и девушка могла говорить только с ним.

Она пошла вперед через маленькую калитку, мимо дуба и часовни забытого божка, тропинкой в лес.

Их должно было быть больше: цепочка молчаливых женщин, одетых в белое, сопровождающих дух до часовни на краю долины, чтобы вывести его за пределы деревни. Но Венда была одна, в слишком легком льняном платье и темной шали, и она быстро шагала к лесу. «Ты не такую церемонию заслуживал, хранитель, – с грустью подумала она. – Не такую».

Солнце зашло, когда она дошла до часовни, обозначающей границу деревни. Отсюда вела малохоженная дорога по лесу, и это был единственный путь к миру. Девушка встала лицом к тропе, за спиной осталась медленно засыпающая долина. Она протянула руку со свечой в сторону неизведанного.

– Иди по дороге, Брехур. Мой свет будет поддерживать тебя. Задуй свечу, когда она уже будет не нужна тебе. Иди, дух. Не оглядывайся и никогда не возвращайся в Волчью Долину.

Она на минуту замерла, напряглась, словно ожидая какого-то прощального знака. Лес перед ней становился все более темным и начинал пугать.

Она глубоко вздохнула, не дождавшись ответов с того света, развернулась и быстро пошла в деревню. Ее изба находилась ровно с другой стороны долины. Стемнело.

Она возвращалась, не видя ничего вокруг, слепая и глухая. Было совсем темно, свеча в ее руке медленно догорала, но все же давала немного света, больше мешая, чем помогая найти дорогу. Девушка знала, что в белом погребальном платье и со свечой она была легкой целью для хищников, которые скоро выйдут на охоту. Однако она не могла погасить свечу. Она должна догореть до конца. Кроме того, в своем нынешнем состоянии, воспитанница хранителя не боялась никого, кто мог бы на нее напасть.

Из мрачного оцепенения ее вырвал свет в окне их избы.

Ее избы.

Она медленно подошла, отодвинула свечу от лица, чтобы немного лучше видеть в темноте. Девушка внимательно оглядела двор и рискнула подойти к двери. Сердце бешено колотилось в груди, когда, громко топая, она подошла к высокому порогу. Кто-то притаился внутри, у него было время услышать ее. Она толкнула двери, и те распахнулись с тихим скрипом.

В сенях было темно, но с левой стороны падало немного света. Девушка быстрым движением схватила палку, которую до этого снова вернула на место. Обычно это было оружие от того, что было снаружи, а не внутри.

Одним прыжком она заскочила в избу.

В очаге горел огонь. Сундук, служащий кроватью, был застелен звериными шкурами. Стол из струганого дерева, стоящий под окном, был завален вещами хранителя. В щели столешницы торчала лучина, что освещала избу.

– Муррр?

Кот лениво подошел к ней и потерся об ноги.

Видя его спокойствие, Венда и сама немного успокоилась, но все же внимательно оглядывала избу.

Возле очага стояла кошачья миска, в которую кто-то налил столько молока, что кот, выпей он все, мог бы сойти за шар и куда-нибудь укатиться. На столе, возле лучины, стоял кувшин с вечерним удоем.

Знахарка быстрым шагом вернулась в сени и только сейчас закрыла двери, задвинула засов. Подумав, она принесла толстую палку и уперла ее в пол под щеколдой для дополнительной защиты. Потом она села за стол, положила голову на кулаки и уставилась на кувшин с молоком.

– Котик? – позвала она через минуту. Животное посмотрело на нее желтыми глазами с вертикальными зрачками. Кот подошел, она взяла его на колени и стала гладить. Он удобно расположился и замурлыкал.

Девушка смотрела на него невидимым взором, то морща брови, то качая головой.

– Ради Элленале... – вздохнула она с недоверием. – Этого не может быть. Этого...

Свеча, освещающая дорогу хранителя в загробный мир, замигала в последний раз и погасла.

* * *

В этот вечер в корчме было тесно. Было тихо и спокойно, почти мрачно. В избе Тинне устроили тризну, чтобы справить переход парня в Навию, к предкам. Пригласили всю семью и часть жителей деревни. Те, кто отправился в корчму, хотели забыться, а не веселиться или думать о хранителе. У большинства это все еще не укладывалось в голове.

Ярт чувствовал себя действительно плохо. День был полон странных событий. Им удалось вернуться с кладбища до темноты, но напряжение, видимо, дало о себе знать. Под вечер у него разболелась голова, и, хотя он заварил себе травы, боль не проходила. В конце концов его начало тошнить, и он вынужден был оставить корчму на Имира. Поднялся наверх, в свою комнату, с холодным полотенцем на лбу и миской с водой, а его сын занимался гостями.

Имир сполоснул кружки в балии, поставил их вверх дном, вытер руки и вернулся в зал. За столом посреди зала он сразу заметил кузнеца, жестом подзывающего его. С ним сидели Стоян и молодой сын кузнеца Рестко, которые тоже с нетерпением смотрели на Имира.

– Меда! – басом закричал Здамир, когда корчмарь приблизился.

Парень кивнул и принес кувшин. Они разговаривали о хранителе, когда он начал разливать мед. Поэтому он наливал долго и медленно, подслушивая с абсолютно безучастным лицом.

– Девочка не глупа. Мужа себе найдет, – Стоян пожал плечами. – Особенно сейчас, когда хранитель не стоит на страже, как злой пес. Я думаю, что она была бы неплохой женой. В травах разбирается, и пример был хороший.

– Говно ее пример! – кузнец скривился, словно хотел сплюнуть. Он не ладил с хранителем. В отличие от Стояна, который поклонялся ему, несмотря на то что знахарь не смог вылечить его кашель и теперь Стоян плевался кровью и терпел боль в груди. – Тоже мне пример – ночами на людей охотился, – закончил Здамир.

– А ты, может, думаешь, что тебя сейчас хранителем назовут? – фыркнул Стоян, после чего ужасно закашлялся. – Я б не рассчитывал на это, братишка. Зубы ты, может, и умеешь рвать, но до лечения тебе далеко.

Кузнец нахмурился, как вдруг какая-то мысль осветила его лицо.

– Нет, меня не выберут, – буркнул он, глядя на своего сына, бычка с выражением слепого послушания на лице. – Но у девочки большие шансы. А когда это случится и люди привыкнут, мы найдем ей соответствующего мужа.

Имир закончил наливать мед, отвернулся и лениво начал вытирать стол. Кровь закипела в его венах, когда он только представил, что его Венда может стать женой этого тупого сына кузнеца и до конца жизни быть марионеткой в руках мстительного тестя.

– Ну, ну, – кивал Стоян. – Успехов. Я слышал, что это не кроткая девочка. Хранителю не раз кровь портила.

– Это хорошо, – кузнец многозначительно усмехнулся и подмигнул сыну. – Таких приятнее всего укрощать.

Имиру так хотелось врезать ему по красной роже, но он не мог этого сделать, потому что якобы ничего не слышал.

– Эх, сейчас я уже не знаю, к кому обращаться с моим кашлем, – Стоян сменил тему разговора, вытирая губы платочком. Видимо, планы брата его не интересовали.

– К Венде! – заявил молодой Рестко, уверенный в гениальности своей мысли. – Или... – Он помрачнел, видя каменное лицо дяди. – ... к ведьме под скалой?

Стоян одарил его возмущенным взглядом.

– К ведьме ходят бабы, мальчик, – ответил он с презрением.

Имир удержался от смеха. Он так натер стол, что, было бы это возможно, тот бы светился. Молодой корчмарь вернулся за стойку.

* * *

На следующий день с самого утра он обо всем рассказал подруге.

– Не знала, что я такая хорошая партия, – Венда скривилась. – Глупый у них план, не находишь? Интересно, почему они думают, что как хранитель я буду иметь какую-то власть? Похоже, они не много знают про жизнь. Быть хранителем – это одно беспокойство. Сколько раз он едва живой возвращался из леса – не сосчитать. И так закончил... Только мне интересно, ради кого он подставил свою шею и что его убило. О нет, благодарю за такую перспективу! Я могу их лечить, могу болезни заговаривать и детей принимать. Но хранителем не буду. Пусть кузнец сам воюет с демонами, если хочет быть таким важным.

Говоря это, она кружила по избе взад-вперед без особой цели, ворча и фыркая от возмущения, а Имир с уважением следил за ней. Он знал ее достаточно хорошо, чтобы не позволить себя одурачить.

– Ну что ж, – сказал он тихо, опуская глаза. – Естественно, я желаю тебе много сил, но если захочешь поплакать, помни, ты можешь на меня рассчитывать. Ты могла бы стать моей женой, по крайней мере понимаешь, что тебе это было бы хорошо.

Она тепло улыбнулась, и сердце парня растаяло, как весенний снег.

– Спасибо, я знаю, – ответила она. – Я люблю тебя, как брата, и хотела бы, чтобы каждый из нас женился по любви.

Он вздохнул, а девушка внимательно взглянула на него.

– Что с тобой? Не притворяйся, я вижу, что тебя что-то грызет. Если дело во мне, то успокойся, я справлюсь.

Она села напротив, хлопнув его по плечу.

– Эй! Я же вижу, что-то тебя беспокоит. Хммм... – сказала она. – Ты что, влюбился, да?

Он посмотрел на нее хмурым взглядом.

– Да, Венда, уже давно, – ответил он недовольным тоном. – В тебя, но тебе плевать.

Девушка засмеялась.

– Ну хорошо, хорошо, не нервничай так.

Имир вздохнул.

– Не нервничаю, – буркнул он. – Просто у меня проблемы, но я не хочу тебя беспокоить.

Она кивала головой с умным лицом.

– Понимаю. Ты хорошо притворяешься, по тебе ничего не видно.

Он послал ей убийственный взгляд.

– Имир, ты вздыхаешь так, что от твоих вздохов недолго и простудиться. Расскажи мне, наконец, в чем дело, потому что я со своими проблемами справляюсь лучше, чем ты со своими.

Молодой человек хотел снова вздохнуть, но сдержался и только сказал:

– Ты не угадаешь, кто нас вчера навестил.

Венда подождала минуту, но когда он все еще не произнес ни слова, наклонилась к нему:

– Только не говори, что это хранитель...

– Нет, нет, – запротестовал он быстро, после чего добавил: – Ради Эллениале, извини, не хотел тебя напугать.

Она отодвинулась.

– Я не испугалась, – она стряхнула с юбки несуществующую пыль. – Но поскольку шансов угадать у меня нет, рассказывай.

Когда она подняла на него глаза, то он увидел лишь хорошо отработанное безразличие. Он придушил в себе желание обнять девушку и, глядя на свои руки, сказал:

– Сам не знаю, что об этом думать. Видимо, они бродили по лесу несколько дней и лишь позавчера пришли к нам.

* * *

Он не заметил, когда они вошли.

Он собрал пустые кружки с длинного стола на возвышении и отнес в подсобку. Быстро ополоснул их в балии с уже холодной водой. Возвращаясь, вытер руки полотенцем, но в дверях, ведущих в зал, замер. Лишь сейчас до него дошло, что минуту назад разговоры в зале стихли. Он уже знал, почему. Те из завсегдатаев, кто молчал, толкали соседей и более-менее незаметно указывали на две фигуры возле стойки. Младшие изумлялись: в долину уже давно не заглядывали чужаки. Старшие тоже диву давались, потому что узнали женщину. Красивая, хотя уже не так молода, с иссиня-черными волосами, узким лицом и тонкими руками, одетая в тяжелое, кроваво-красное платье. Над ней, словно стражник, возвышался хорошо сложенный мужчина с длинными до плеч каштановыми волосами, собранными в конский хвост, и аккуратной бородой, в которой играли медные блики. В его лице взгляд притягивали зеленые изучающие глаза. Меч на поясе, доспехи и мягкие движения прибывшего пробудили в жителях долины давно забытые воспоминания. Прошло уже много времени с тех пор, как они видели вооруженного человека.

Женщина заметила парня первой. Замерла, как и он, наполовину стянув перчатки с рук и затаив дыхание.

– Имир, – произнесла она тихо, так тихо, что он прочитал свое имя по движению ее губ. Он уставился на даму со странным выражением и не мог поверить, что это происходит на самом деле. – Ты узнал, правда? – сказала она после минутного колебания и сделала неуверенный шаг в его сторону. – По твоему выражению вижу, что узнал. Мы можем выйти и поговорить?

Он с радостью сказал бы «нет». Но вместо этого кивнул головой, закончил вытирать руки и для сохранения видимого спокойствия отступил на кухню. Женщина вошла за ним, неуверенно оглядывая помещение, словно копченые окорока и пучки специй, свисающие с потолка, могли на нее напасть. Имир оперся на стол, складывая полотенце и стараясь не смотреть в сторону гостя.

– Не знаю... – начала она охрипшим голосом. – Не знаю, как много ты помнишь, сынок.

Имир молчал. Он не собирался ей помогать. Женщина подошла к ящику в углу и начала вертеть в руках головку чеснока.

– Сейчас не время для объяснений, – буркнула она больше для себя. Потом быстро подняла голову и добавила: – Я хотела бы, чтобы ты знал: я не думала, что это займет так много времени... Но мне приснился сон, и что-то привело меня назад, – она заколебалась и поправила волосы, слишком взволнованная. – И я не ожидаю, что ты поймешь меня вот так сразу. Ты был тогда еще маленьким. Но он тоже был маленьким, ты знаешь? А я была его матерью! – она смотрела на Имира большими глазами, в которых стояли слезы и какой-то странный блеск, словно горячка или... безумие.

Парень выдержал этот взгляд несколько долгих, наполненных тяжелым молчанием, минут. К собственному удивлению, заметил, что все еще холоден и собран. Он положил сложенное полотенце на стол.

– Ничего не скажешь, Имир? – услышал он тихий голос.

– Думаю, ты должна поговорить об этом с отцом, – также тихо ответил он. – Я... должен это обдумать. Мне нужно немного времени.

Она кивнула головой, выпрямляясь.

– Конечно, – спокойно согласилась она. – Он наверху?

– Да, он плохо себя чувствует. Сегодня был тяжелый день, – он заколебался, но потом закончил: – Мы похоронили хранителя.

К его удивлению, она кивнула с полным равнодушием.

– Да, я знаю... Страшная история. Для нас. Идя сюда, мы нашли его умирающим вдалеке от дороги. Его убило что-то ужасное. Мы похоронили его там, потому что не знали, как долго будем бродить, пока дойдем сюда. Мы заблудились. Дорога почти заросла, а я ехала по ней только раз в жизни. К тому же, этот туман и... Но тебе не интересно, правда?

– Напротив. Ты должна рассказать это старейшинам. Если все правда, никто не будет сомневаться в невинности Венды.

– Это правда, – подтвердила женщина, протягивая руку. Она разжала ладонь: на ремешке раскачивался серебряный кулон в виде молота. – Никто в долине не носил молот из-за гор. По нему я его и узнала. Но он меня – нет...

Она спрятала кулон.

– Когда все прояснится, я отдам его Венде.

Имир кивнул с одобрением. Воцарилась тишина. Женщина разглядывала сына, а он настойчиво отводил глаза.

– Кто это? – движением головы он показал на мужчину в зале.

Она пожала плечами.

– Друг. Встретила его по дороге, и он помог мне добраться сюда.

– Конечно... – буркнул он с насмешкой. – Ты хочешь попросить у отца комнату? – спросил он громче.

Он понял, что ей неуютно.

– Две комнаты... – сказала она. – Собственно, я не думала, что буду делать, когда сюда доберусь. Считаешь, мы можем на это рассчитывать?

Он хмыкнул.

– Не знаю, ты должна спросить у отца. Сегодня он плохо себя чувствует.

Она понимала его маленькую, личную месть. Потому кивнула головой.

– Хорошо, сегодня мы переночуем у Ларса. Он мне не откажет. Он один, – добавила она тихо. Потом повернулась к выходу, но на мгновение остановилась и с грустью посмотрела на парня.

– Сынок, я не знаю, что ты помнишь и что тебе рассказали, но если бы ты захотел меня выслушать, то понял бы, что не я чудовище в этой истории, а только они.

– Для меня, – буркнул он резче, чем намеревался. – Для меня все тогда оказались чудовищами.

* * *

– Ты ей так и сказал? – Венда немного удивилась.

Имир кивнул.

– Я ничего не могу поделать, так, собственно, я это и вижу.

Она понимающе кивнула. Во время рассказа Имира она выполняла свои каждодневные обязанности. Только сейчас закончила доить корову и со стуком поставила скамейку под стенку. Погладила корову по спине в награду за терпение.

– Знаешь, когда-то я про это думала, – сказала она, наливая коту молока в мисочку. – Про твоих родителей и про то, что случилось. Тогда мы были только детьми и, честно говоря, вся эта история немного меня пугала. Но сейчас я понимаю, что не знаю, не поступила бы так же, как твоя мать. То, что сделала деревня, что позволил хранитель... это не по-человечески, ты должен это признать.

Они вышли из хлева и вернулись в избу. Имир молчал.

– Ну? – поторопила она, ставя ведро с удоем на стол. – Не думаешь?

– Не знаю, единственное, что имело для меня значение в то время, это потеря матери и брата, – ответил он удрученно. – Не думал, что это еще когда-нибудь ко мне вернется. Что она вернется.

Венда процедила молоко через тряпочку.

– Забавно, – усмехнулась она. – Было время, когда я тоже злилась на хранителя за то, что он принял это решение. Деревня не сделала бы этого, если бы он запретил. Ведь чудовища живут за кругом факелов и выходят только ночью, правда? Я так думала. Но сейчас... – она отставила ведерко и посмотрела парню в глаза. – Сейчас, Имир, я уверена, что они среди нас.

Глава 3. Кому эта девочка предназначена

Следующий день был холодным и хмурым, а низко висящие тучи закрывали вершушки гор. После ночного дождя сохранилась всепроникающая влажность и выпала роса на траве. Ранним утром маленькая община долины была занята своими делами. Мужчины работали в мастерской или в поле, женщины крутились по хозяйству, занятые бесконечными мелкими, каждодневными делами. Дети пасли скот или играли в не совсем безопасные игры. Куры кудахтали, свиньи рылись в земле, а серая, мрачная фигура, тесно завернутая в толстый прямоугольный плащ, свободно спускалась по тропинке в сторону деревни.

Она прошла между изб и двинулась в сторону корчмы. Через каждые несколько шагов машинально и рассеянно кивком приветствовала кого-то из соседей. Наконец дошла до центра деревни, обошла корчму и постучала в небольшие двери в задней части дома. Пока ждала, разглядывала дверной молоточек в форме волчьей головы. Волк был грозным и всегда ужасно нравился девушке. Наверное, во времена деда Ярта он украшал главные двери. Потом люди захотели забыть о прошлом, и молоточек перенесли к задним дверям. Венда находила его очаровательным.

Ей открыл Имир, и уже через минуту девушку пригласили в кухню на поздний завтрак. Ярт вежливо указал ей на табурет, а парень поставил кружку и налил молока.

– Плохо выглядишь, – Венда не могла оторвать взгляд от посеревшего лица старшего корчмаря. Он измученно улыбнулся, глотая последний кусок хлеба с колбасой.

– Я словно услышал хранителя. Конечно, я плохо себя чувствовал эти несколько дней. Но сегодня почти хорошо.

– А что конкретно тебя беспокоит? – спросила она.

– Каждый раз что-то другое, – Ярт махнул рукой. – То голова болит так, что хочется собственными руками ее оторвать, а то спина не позволяет работать. Или все вместе. Я уже мылся водой с углем для очищения от злых духов, чертополох прикладывал к голове, но не помогло.

Имир беспокойно заерзал.

– Думаешь, это какой-то призрак?

Девушка задумалась с умным выражением лица.

– Если это призрак, то еще рано это утверждать.

– А может, порча? – вмешался Имир.

Венда внимательно смотрела на него, решая в уме эту проблему, и сжала губы.

– Выясним, – произнесла она осторожно. – Приготовлю отвар, только надо собрать соответствующие травы. А пока что вот, – она вытащила из сумки на поясе связку сушеных мелких цветочков. – Это надо заварить. Облегчит боль. Только не пей часто, потому что нехорошие побочные эффекты... – она повысила голос.

– Конечно, – серьезно ответил корчмарь. – Спасибо. Имир, дай Венде ту колбасу, что мы вчера приготовили. Давай все кольцо. Не протестуй, девочка. Это не плата, просто подарок. Считаю, она мне удалась, и я хотел бы, чтобы ты взяла немного на пробу.

Горячие протесты ни к чему не привели. К тому же, колбаса действительно пахла и выглядела вкусно, поэтому Венда согласилась принять подарок, хотя и сделала это со смешанными чувствами.

– Я не хотел тебя смущать, – Ярт казался довольным. С аппетитом отгрыз кусок колбасы и покачал головой. – Ох, девочка, ты даже не знаешь, сколько в тебе от хранителя.

– Наверное, больше, чем она бы хотела, – буркнул Имир, заметив кислое лицо подруги.

Ярт присмотрелся к ней внимательней.

– Ну да, хранитель не был воплощением великодушия. Но я имел в виду лучшие его черты, конечно.

– Знаю, – усмехнулась Венда. – Я пришла именно за тем, чтобы узнать, что решила деревня. Я виновна или нет?

– Если бы ты была виновна, не сидели бы мы тут с тобой. Свидетельство Сталлы развеяло сомнения, но все боятся того, что убило твоего приемного отца, – он замолчал, после чего еще раз повторил, словно для себя: – Убило хранителя, это просто невозможно! В любом случае, возьми, вот его молот.

Говоря это, он подал ей серебряный кулон, и хотя Венда приняла его нехотя, но все же повесила на шею.

– Знаешь, – с ностальгией произнес корчмарь, – вчера только понял, что всегда считал его другом, а в реальности очень мало знал о нем. Откуда пришел? Зачем? Кем был в мире за горами? Кем ты ему приходишься?

– Я тоже не знаю, – вздохнула девушка. – Я жила с ним, но знаю столько же, сколько и вы. Я часто его спрашивала. И что хуже всего, уже никогда этого не узнаю. Он научил меня хорошему. И к сожалению, плохому. Вроде бы защищал людей, а на самом деле, был не лучше тех чудовищ. Ни на минуту не дал мне усомниться, что я не его ребенок. Это был жестокий, плохой человек, и стыдно признаваться, но в глубине души я ненавидела его. Даже не думала про него иначе, чем как о хранителе. Все его так называли, никто не звал по имени, потому что никому он не позволял приблизиться к себе. А сейчас его нет. И я сама не знаю, скучаю я по нему или мне полегчало.

Ярт пожал ее руку, тепло улыбаясь.

– Не изводи себя, все знают, что ты уважала его, но также всем известно, каким он был трудным человеком.

Разговор не улучшил девушке настроения. Она вышла из корчмы такая же мрачная. К тому же ее стала беспокоить болезнь Ярта.

Между тем она должна была уладить еще одно дело.

Петляя между избами, она направилась в сторону озера. Прошла мимо нескольких односельчан, приветствовала их более искренней улыбкой, чем раньше, и добралась до уютного бревенчатого дома, окруженного небольшим, но ухоженным двориком. Перед забором женщина с девочкой сажали цветы.

– Добрый день, – поздоровалась Венда.

Вильо подняла удивленный взгляд.

– Привет, Венда! – усмехнулась она. – Что тебя к нам привело?

– Пришла поговорить, – ответила она, после чего польстила: – Вижу, у вас снова будет самый красивый двор.

Женщина встала с колен, вытерла руки о фартук. Огонек тоже поднялась, как попугай повторяя каждое движение матери. На улыбку Венды она несмело ответила реверансом.

– У вас настоящий дар к посадке цветов, – учтиво добавила девушка.

Женщина пожала плечами:

– Я просто с ними разговариваю, а они слушают, – усмехнулась она снова, немного смущенно. Краем глаза Венда заметила, что Огонек не спускает с нее своих голубых глаз. – Но ты, наверное, не для того пришла, чтобы хвалить мои растения, правда?

– Ну да, – серьезно ответила девушка. – Собственно, я пришла поговорить с Огоньком. Как дела, Огонек? – самым ласковым, на какой только была способна, тоном спросила Венда.

– Нииникак, – медленно ответила малышка. – Садим с мамой цветочки. Будут самые красивые в деревне, потому что у мамочки настоящий дар. Она просто говорит с ними, а они ее слушают, – отрапортовала она, помогая себе киванием.

Венда не могла сдержать улыбку.

– Ну да, это точно. Ты очень наблюдательная девочка, – похвалила она. Малышка кивнула рыжей головой.

– Угу, я хорошо слышу. И вижу тоже.

Маленький колокольчик задрезжал в голове Венды.

– Ну конечно, – она пыталась не менять тон разговора. – Ты, например, знала, что меня спасет волк, правда?

Девочка покачала головой так, что ее огненные локоны затанцевали.

– Не-е-е-е, я только знала, что это сова напугала корову. Но если бы ты зашла, то... – Она внезапно замолчала, ее глаза стали большими, и она закрыла себе рот ладонями. Со страхом она смотрела на маму, задрав голову. – То есть... – начала она, заикаясь. – Я... я не знаю, не помню.

Венда подняла глаза и встретилась с напряженным, серьезным взглядом черных глаз Вильо.

– Конечно, ты помнишь, – обратилась она снова к перепуганному ребенку. – На лесной поляне ты говорила мне, что...

– Не помню, – повторила испуганно Огонек. – Я не должна помнить такого, правда, мама?

– Все хорошо, дорогая, – Вильо наклонилась и обняла девочку.

Венда минуту ждала, переводя взгляд с мамы на дочь.

– Вы знали, – наконец, произнесла она обвинительным тоном. – Тогда почему?..

– Извини, Венда, – прервала ее женщина, и было видно, что ей действительно жаль. – Давай пойдем в дом. Я не хочу тут разговаривать.

Девушка кивнула, и через минуту они сидели уже в избе на лаве, где она любовалась соломенными пауками, развешанными для защиты от злых духов. Вильо, безусловно, была очень искусна, и потому ее ставили в пример молодым замужним женщинам как трудолюбивую и находчивую жену.

Даже вид тщательно вымытого пола вызвал у Венды комплекс неполноценности, не говоря уже о запахе готовящейся похлебки, наполняющем избу, и нескольких глиняных вазах, стоящих на полках и собственноручно расписанных хозяйкой дома коричневыми головками камыша на зеленых стеблях.

Вильо присела на табуретку с другой стороны стола и посадила дочь себе на колени. У малышки было такое выражение лица, будто она готова заплакать.

– Вы притворялись там, на поляне, – начала Венда.

Вильо вздохнула.

– Да, но, пожалуйста, никому не рассказывай об этом, – она смотрела умоляюще. – Люди не должны узнать, что Огонек не такая, как другие дети. Не хочу, чтобы она закончила так же, как Оллен.

Венда на минуту задумалась.

– Естественно, я тоже не хочу, чтобы с вами что-то случилось. И я понимаю, что это был не первый раз.

– Нет, – ответила женщина. – Она пророчествовала и раньше, но об этом знала только я. Там, в лесу, это было впервые, когда слышал кто-то еще. Даже Костьян не знает. Стыдно признаться, но я боюсь, не отдаст ли он ее на суд деревни.

Они посмотрели друг другу в глаза.

Венде не нравился отец Огонька. И Вильо знала об этом.

– Что она предсказывала?

– Прошу, не спрашивай. Хватит, что я несу это бремя. Кроме того, то, что она говорит, запутанно и малопонятно.

– Конечно, – согласилась девушка. – Что думаете делать?

Вильо пожалала плечами.

– Не знаю. Буду скрывать, сколько смогу. Через несколько недель она получит взрослое имя, а потом... сама не знаю, может, когда повзрослеет, станет достаточно сильной, чтобы противостоять деревне.

Венда помрачнела. Перед глазами встала сцена из прошлых лет. Ярт держал за руку перепуганного Имира. Его жена Сталла яростно и отчаянно кричала, колотя кулаками в дверь корчмы, где ее заперли. И маленький мальчик на дороге, с глазами, полными слез, в которого тыкали пальцами.

Она смотрела на грязное, но милое личико Огонька. У девочки был такой же пронизательный и разумный взгляд, как у Оллена. Слишком разумный и слишком пронизательный для пятилетки.

Она вздохнула.

– Никто не в состоянии противостоять деревне в одиночку, вы хорошо об этом знаете.

Она встала. Выходя, еще раз оглянулась и, к удивлению Вильо, добавила:

– Если вам нужна будет помощь, вы знаете, где меня искать.

* * *

Сразу за деревней невысокие курганы обозначали землю мертвых, а от леса святое место отделяла низкая каменная стена. Среди могил росли несколько деревьев, затеняющих кладбище и своим шумом успокаивающих мертвых. Большинство курганов, заросших мягкой травой, были такими старыми, что дождь и снег почти сровняли их с землей. Темнели лишь несколько курганов посвежее, и из них один особенно притягивал взгляд – могила молодого парня.

Мать Винне в тишине пересекла границу святой земли. Она хотела посадить немного цветов на могиле сына, чтобы скрасить ему таким образом вечный покой.

Внезапно она остановилась.

– Ради Эллениале! Род, береги меня от детей Велеса! – произнесла она на одном дыхании.

Она быстро развернулась, приподняла край платья и в панике кинулась бежать в сторону деревни.

В кургане Винне чернела огромная дыра.

* * *

Разговор не выходил из головы Ярта. С тех пор как Имир рассказал о возвращении Сталлы в компании с каким-то вооруженным мужчиной, ему удалось все разложить в голове и подготовиться к встрече с ней.

Он был зол и болен, и это способствовало резкому тону, которым он собирался приветствовать женщину, что появится вечером в корчме. Но он не предвидел только две вещи. Во-первых, того, что, увидев жену, он почувствует угрызения совести и боль воспоминаний. А во-вторых, Сталла вернулась не для того, чтобы умолять о прощении. И точно не у него.

Она пришла сама, без сопровождения. Вошла как всегда, как к себе домой, и, похоже, внезапно притихшие голоса ее не волновали. Напротив, она привыкла к тому, что ее появление вызывает легкий шум, свидетельствующий о восхищении, какое она вызывает у мужчин.

Она была красива.

Время, что прошло с их последней встречи, не смогло этого изменить. Ее взгляд, красота и чувственные движения ужалили в сердце и пробили брешь в линии защиты Ярта.

Сталла спокойно прошла к стойке, убрала со лба непослушную темную прядь, которая вылезла из-под красной повязки на лбу. Она смотрела ему в глаза без улыбки.

– Здравствуй, муж, – сказала она не слишком громко.

– Здравствуй, Сталла, – таким же холодным тоном ответил Ярт.

Было заметно, что присутствующие в зале ловят каждое слово и следят за каждым жестом. Они стали говорить еще тише.

– Имир сказал тебе, что я хочу тут поселиться, – сказала она прямо.

Он задумчиво кивнул.

– Это и твой дом тоже, – медленно произнес он.

– Я рада, что ты это понимаешь.

– Понимаю, – согласился он. – А твой... приятель будет жить вместе с тобой?

Температура в помещении ощутимо упала, когда он закончил фразу. Но этот холод был ничем по сравнению с морозом, который вернулся к нему с ответом:

– Он будет жить в собственной комнате, – процедила она.

Между ними воцарилось молчание, наполненное только шумом разговоров в зале. Ярт начал медленно вытирать стойку. Его жена машинально следила за движениями тряпки по дубовому покрытию и играла серебряной сережкой, что заканчивалась коралловой слезой.

– Ты вернулась навсегда? – спросил он наконец. Поднял глаза, и на минуту их взгляды встретились.

– Еще не знаю. Это зависит от того, как закончится вся эта история. У меня сложилось впечатление, что всему скоро придет конец.

Ярт вернулся к полированию стойки.

– Для меня «эта история» закончилась одиннадцать лет назад, – буркнул он.

– В самом деле? – скривилась женщина. – Если так, то поздравляю, тебе повезло больше, чем мне.

– Ты мучаешь себя по собственному желанию, – рявкнул он громче, чем хотел. Несколько человек повернулось к ним с нескрываемым интересом. Однако сразу же притворились, что не делали этого.

Ярт глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, ощущая на себе разъяренный взгляд жены.

– У меня свои причины, – начала она тихо, – чтобы все еще верить, что...

– Интересно, какие? – раздраженно прервал он.

Она замолчала. Когда Ярт посмотрел на нее, то наткнулся на задумчивый взгляд. Она боролась с собой, после чего сказала:

– Ты не поймешь. Пойду за своими вещами. Я перееду сегодня, так что приготовь комнаты.

* * *

В лесу было много тайных мест. Люди иногда попадали туда случайно, иногда их приводил какой-нибудь призрак или лесной демон. Проклятые деревья, в которых жили духи, были помечены так, чтобы те, кто потерялся, знали, что их нужно остерегаться, а магические потоки обозначались так, чтобы ищущий помощи мог их опознать. А небольшие каменные холмики, фигурки и статуэтки зарастали ежевикой и мхом.

Тинне, Костьян и Ларс кружили по окрестностям около часа, прежде чем оказаться в месте, где на небольшой поляне росла высокая до пояса крапива.

– Одни дубы, – Ларс огляделся вокруг. – Может, это тут.

Они разошлись, чтобы поискать следы. Костьян лупил палкой направо и налево по крапиве, в то время как Тинне делал то же самое, направляясь в противоположную сторону. Ларс внимательно рассматривал деревья. Наконец он нашел самое старое и величественное. Дотронулся до него и сразу заметил деформацию ствола в месте, где кора затянута от ран, оставленных топором.

Он раздвинул крапиву у основания дерева и нашел первый замшелый камень. Расчистил заросли и наткнулся на часть круга, которым был окружен священный дуб.

Подул легкий ветерок. Шум зарослей и деревьев заглушил слова его товарищей.

Ларс выпрямился.

– Что вы говорили? – растерянно спросил он.

Но Тинне и Костьян и дальше косили заросли крапивы, спиной к нему, и остановились лишь, когда он снова закричал.

– Что ты сказал? – спросил Костьян, а Ларс снова услышал, словно чей-то шепот среди ветра, в этот раз где-то за спиной.

Мурашки пробежали у него по спине.

– Идите сюда! – закричал он, вытаращив глаза. – Это то дерево!

Они быстро добрались до него и собственными глазами увидели рубец на коре и каменный круг. Ветер доносил шепот, который становился все громче, и мужчины озирались со все нарастающим страхом.

– Поспеши, ради Эллениале, – буркнул Тинне Костьян. – Иначе мы сейчас все закончим, как папаша твоего отца.

Тинне вытащил из котомки кувшин меда, головку сыра и деревянного конька, которого Винне выстругал из липы прошлой зимой. Он сложил это все у корней дерева и, сминая в руках шапку, отступил на несколько шагов.

– Мы... это... – заикался он. – Господин леший, извини моего глупого сына. Не знаю, чем он обидел тебя там, на тропинке, но если ты уже забрал его жизнь, то молю, дай ему упокоиться с миром. Умным он не был, наверное, из-за своего деда, – произнес он. – Но мы все боимся тебя и ничем не хотим оскорбить. Мы пришли только просить за покой для моего сыночка.

А поскольку шепот не прекращался, они втроем упали на колени и покорно припали к земле. Леший еще злился какое-то время, потом грозный шепот начал стихать. И наконец совсем смолк.

Однако они не знали, услышал ли он их. Несколько следующих ночей Тинне не сомкнул глаз, а потом, на рассвете, бегал на кладбище и проверял, оставалась ли могила нетронутой. Потом вздыхал, позволяя себе каплю надежды.

Вероятно, леший его услышал. Курган Винне больше уже ничто не раскапывало.

* * *

Луг перед руинами принадлежал хранителю. Венда каждый день приводила сюда корову, забивала колышек с привязанной бечевкой и возвращалась в избу со странным ощущением, что, когда вернется в полдень, луг будет пустым.

В этот день, привязав непослушное животное, она двинулась к развалинам. Она вынуждена была подниматься на холм, который когда-то был лесным пригорком, но который выкорчевали сотни лет назад, чтобы видеть приближающихся к замку путешественников и врагов. Когда-то сюда вела проторенная дорога, но она уже заросла и была едва заметна, даже если знаешь, куда смотреть.

Зелень кончалась внезапным обрывом, что уходил вертикальной стеной вниз. На краю скалы, которая словно зуб врезалась в долину, гордо высились руины небольшого замка. От строения остались только башня и часть стены со стороны луга, вместе с воротами, украшенными аркой. Ворота, удивительно низкие, но широкие, были построены так, чтобы наездник вынужден был спешиться перед вторжением в замок народа, который не нуждался в скакунах, чтобы передвигаться быстро и тихо.

Венда спокойно зашла в небольшой двор, частично засыпанный рухнувшей частью стены, частично заросший прошлогодней травой. Луг медленно, но верно захватывал замко-

вые территории. Девушка подошла к пролому в стене, откуда открывался головокружительный вид на деревню, раскинувшуюся у подножья скалы.

На краю пропасти был насыпан могильный курган. Судя по свежим цветам, несколько человек часто его навещали. Недавно кто-то даже оставил пирожок. «Для богини Эллениале, – подумала Венда. – Видно, просили ее о помощи и хотели подкупить». А знахарка знала только одного человека, который пробовал подкупить богов пирожками. Она улыбнулась.

Венда оперлась рукой на разрушенную стену и обвела взглядом долину. Возле озера суе-тились люди, ведущие приготовления к русалочьему пиршеству, дети за кем-то бегали, скорее всего за котом, который вскоре сбежал от них, устав от игр с сопляками. Дальше тянулись небольшие участки у края леса, где маленькие фигурки обрабатывали свои уделы. Блестящее на солнце темно-синее озеро и узкая дорога, что петляла между избами и полями и исчезала где-то в лесу на западе. Там, где был остальной мир. Так, по крайней мере, слышала Венда и верила в это, хотя сама ничего не помнила из того мира. Но он там все же был.

Мир, в котором она родилась.

Слабый ветерок коснулся ее лица, запахло теплом и последним снегом с горных вершин. Она любила стоять на руинах и смотреть на пейзаж. Венде следовало обдумать так много, что сейчас покой ей был нужнее, чем еда или сон.

– Эй, Венда! – раздалось сзади со стороны ворот.

«Только обрадовалась одиночеству», – подумала она, поворачиваясь к бегущей к ней девушке.

– Привет, Яда, что ты тут делаешь?

– Корова сбежала, – дочь мельника помахала рукой. – Я попробовала тот твой способ с колышком и веревкой, но уж лучше самой ее пасти, чем потом гоняться за ней по долине. Настигла ее, когда она позарилась на вашу траву, тут, на краю леса. Ну, а потом я увидела, как ты сюда заходишь, – закончила она, глядя на могилу под стеной.

Венда заметила тень разочарования, которая промелькнула на ее лице.

– Готовишься уже к русалии? – сменила тему Яда и продолжила, не ожидая ответа: – Я даже не представляю, что надеть! Правда, у меня есть лен на юбку, который папа купил у торговца, того, что тут заблудился в прошлом году, но я не смогла его забрать, а сейчас уже поздно... А ты что наденешь?

Дочь мельника смутила ее этим вопросом.

– То, что всегда, – она равнодушно пожала плечами. – В жизни есть более важные дела, чем платье.

Яда едва заметно покраснела.

– Извини, тебе сейчас совсем не до забав.

Знахарка грустно усмехнулась и мрачно посмотрела подруге в глаза.

– Такова жизнь дочери хранителя. Я знала, что однажды его убьет какое-нибудь чудовище, и так... – Стараясь, чтобы голос ее не выдал, она глубоко вздохнула и сама изменила тему: – Но ты должна нарядиться для Люса.

Яда смутилась, как всегда, когда разговор заходил про объект ее симпатии.

– Э-э-э, наверное, опять не получится. Он вообще не знает, что я существую, и даже не старается ловить эти венки. Но это может случиться, правда?

Венда оперлась на фрагмент стены, скрестив руки на груди, и наблюдала, как подруга то бледнела, то краснела.

– Может, может, – ответила она с убеждением. – А это зачем? – она движением головы указала на могилу с подсыхающим на солнце пирожком среди цветов.

Яда засмеялась немного нервно, словно ее поймали за чем-то глупым.

– Ты догадалась, – блеснула она ровными зубами. – Но знаешь, даже если не поможет, то точно не повредит. Аника мне говорила, как Мирва ей рассказывала, что несколько дней назад было слышно, как домовый играл на гребешке, и угадай, на чьем пороге!

– У Люса в избе?

– Именно! – обрадовалась дочь мельника, и ее глаза заблестели от возбуждения.

– Ну видишь! – Венда серьезно кивнула. – Свадьба у них будет, тут и нечего говорить. Домовые больше ничему так не радуются.

Говоря это, она усмехнулась подруге, чтобы подбодрить ее. В конце концов, на русалию все могло случиться. Она уже хотела произнести эту мудрую мысль, как Яда спросила:

– А раз уж такой разговор, ты слышала сегодня ночью тот голос? – волнение, смешанное со страхом, видимое на лице девушки, предвещало интересные новости. Венда покачала головой.

– Спала как убитая. А что?

Яда присела на край стены, который напоминал кривую скамейку.

– Люди говорят, что что-то сегодня снова выло на... руинах, – неуверенно закончила она, оглядываясь вокруг.

– Может, обычный волк, – знахарка колебалась только мгновение, а потом почувствовала себя странно.

– Весной? – сказала Яда. – Нет, Венда, это не волк. Я слышала, что отец с Яртом болтали про того, с волчьими глазами, и это он воет. Тебе нужен кто-то, кто защитит тебя в случае чего! – Дочь мельника волновалась о судьбе подруги. – Но не беспокойся, скоро тебя придут сватать.

Венда удивленно таращилась на нее.

– Ты это серьезно?

Яда пожала плечами.

– Конечно, серьезно. А как ты себе представляешь зиму в такой ситуации? Сама, с одной коровой, без собственных посевов. Тебе бы не помешал мужчина в избе, правда? Во всяком случае, скоро русалия, и кто-то поймает твой венок.

Знахарка мрачно промолчала.

– Венда, – воскликнула Яда, когда новая мысль пришла ей в голову, – а кто теперь будет с богами говорить, коль хранителя не стало?

Девушка вытаращилась на нее и помрачнела еще больше.

– Не знаю. Нового выберут. Всегда так было. Любого хранителя рано или поздно убивали чудовища.

– Но русалия уже вот-вот, и кто-то должен принести жертву богам, – забеспокоилась дочь мельника. – У тебя никого нет на примете? Ты лучше всего для этого подходишь.

Венда пожала плечами, но в глубине души понимала, что подруга права. Никто в долине не знал про богов и чудовищ больше, чем она. Она осознавала, что если бы не была такой трусихой и не переживала за собственную шкуру, то должна была сама согласиться стать хранительницей. Однако правда заключалась в том, что она бы хотела отгородиться от деревни частоколом и скорее согласилась бы голодать целый месяц, чем принять это предложение.

– Несомненно, они придут к тебе, – заявила дочь мельника.

Венда тяжело вздохнула.

– О Эллениале... Только этого мне не хватало.

* * *

– Только этого нам не хватало!

Возмущение мельника эхом отразилось у собравшихся в корчме мужчин. Кузнец, рассказ которого так разогрел кровь отца Яды, поднял руку в успокаивающем жесте.

– Не горячись так, Вастир, – произнес он слегка язвительным тоном. – Ведь такое уже происходило.

– Но она слишком молода!

– Но не глупа, – вмешался Стоян, как обычно с платочком у рта. – И кто-то должен принести жертву богам.

– И ее учил хранитель, – поддержал брата кузнец. – А его все уважали, словно он был воплощением самого Серого господина.

Костьян, молчавший до этого, процедил сквозь зубы:

– Не буди лихо, пока спит, Здамир.

Кузнец только криво хмыкнул в ответ.

– А что? Я неправильно говорю?

– Мне любопытно, – проигнорировал его рыжий муж Вильо, – какой тебе в этом интерес? Ох, не прикидывайся сторонником Венды, ты ж не любил хранителя. Вам всегда было не по дороге, а теперь ты вдруг хочешь объявить ее преемницей? Что-то тут не сходится, и, похоже, не только я так думаю. – Он многозначительно оглядел собравшихся. Несколько человек кивнули в знак согласия. К сожалению, некоторые смотрели на него, словно их только сейчас осенило.

Тем временем кузнец натянул невинное выражение лица.

– Если бы я думал только о своем интересе, сам бы на хранителя претендовал, – произнес он, пожимая равнодушно плечами. – По правде говоря, я бы вполне подошел, но мне уже много лет, и дополнительные обязанности взваливать на свои плечи я не хочу.

– Тогда ты думаешь, – с сарказмом фыркнул мельник, подходя к нему, – что лучше будет соплячка без опыта? И к тому же баба?

– Хранитель всему ее научил, – сказал Стоян хриплым, слабым голосом.

– Она очень похожа на него, – неожиданно вмешался Ярг.

Как обычно во время совещаний, он не сидел со всеми за столом, но, опершись на деревянную стойку, прислушивался к спору со сложенными на груди руками. Собравшиеся повернулись к нему. Его лицо было серым, а под глазами пролегли глубокие фиолетовые тени.

– Не думаю, однако, – продолжил он, когда обратил на себя внимание, – что Венда согласится стать хранителем.

Между столами вновь возник шум, но в этот раз в нем ощущалось возбуждение. Никто не подумал о такой возможности.

– Деревня выбирает хранителя, – сказал кто-то. – Деревня и сами демоны. Еще не было такого, чтобы избранный отказался.

– Ну, такое может случиться, – иронично усмехнулся корчмарь. – Я знаю, почему Здамир и Стоян так настаивают на этой девочке. Они думают, что ею можно будет легко управлять. Но они могут просчитаться. С молодыми иногда сложнее, чем со старыми. Они бунтуют, все знают лучше и часто назло родителям могут дать себе руку сломать.

– Правильно говоришь, корчмарь, – горячо поддержал его мельник.

– У молодой бабы бушует в голове, если кто не знает, – напомнил Ильсир.

– Ну, ты лучше всех знаешь об этом, да? – задел его Вастир, потому что у Ильсира была жена моложе на пятнадцать лет.

– Хранителя нет! – рыкнул на весь зал крестьянин, делая вид, что не слышал колкости. – Никто за девкой больше не следит. За месяц или два решит замуж выйти, и дети у нее будут в голове, а не защита нас от того, что бродит в ночи.

– У нас скоро будет случай увидеть, что написано у нее на роду, дорогие друзья, – прервал его Стоян. Для лучшего эффекта он немного помолчал, а потом заявил: – Завтра русалия! Если Венда пустит венок по воде, мы увидим, поймают его кто или нет.

И зал снова разделился на тех, кто его поддерживал, и тех, кто был не согласен. Только кузнец старался спрятать довольное выражение лица и не отвечать на многозначительные взгляды своего брата. Корчма аж гудела.

Наконец Стоян смог всех утихомирить, поскольку его ужасный кашель всегда привлекал внимание. И когда они посмотрели на него, он вытер платком рот, на котором осталась кровь, и произнес:

– Дорогие соседи, закроем эту тему. Девушка разбирается в знахарстве и чудовищах. И, что самое главное, нет в мире никого, кто мог бы забрать ее дар. Пусть пускает венок. Пусть нам обычай ответит, какова воля богов и кому эта девочка предназначена: людям или демонам.

Глава 4. Меня ждешь?

Руины нависали над деревенькой, мрачными слепыми оконными проемами следили за подготовкой к ежегодному празднику. Маленькие фигурки внизу бегали, казалось, бесцельно, но работа продвигалась. На лугу, что отделял первый ряд изб от озера, установили столы и лавки. Женщины заставили его вкусностями, и каждая приносила то, чем славилась среди соседей и что у нее получалось лучше всего. Горшок со смальцем, пирожки, лепешки с сыром, огурцы с медом, выпеченный хлеб с добавлением тайного ингредиента, известного только хозяйкам одного рода. Все свежее, пахучее и украшенное, как для королевского пира. Ароматы щекотали ноздри и гнали к столу крутящихся рядом мужчин, в то время как женщины игриво шлепали их по рукам.

Лужайка возле озера была подготовлена к всенощным танцам. Молодые девчата украсили ее гирляндами из цветов и глиняными фонарями. Когда начало смеркаться, зажглись первые огни, утопив и луг, полностью заставленный столами, и темные воды в нежном, теплом и магическом свете. Жители деревни надевали праздничную одежду с нарядной вышивкой и лентами, наименее ношенную и пахнущую чистотой.

Вечер был прохладным, но в воздухе ощущался теплый, весенний ветер с гор. Ветер, растапливающий снег на перевалах, заставляющий растения выпускать новые побеги и горячий кровь людей и лесных зверей.

Когда на небе появился месяц и все жители долины собрались, одетые в праздничные рубашки, Здамир, Костьян и Ларс уже стояли плечом к плечу на краю озера. Каждый из них принес с собой круглый калач, украшенный цветами и ветками, словно девичий венок. Общий галдеж затих, и радостное волнение переросло в неуверенное ожидание.

– Где это видано, – бормотала одна их старейших женщин, обращаясь к своей ненавистной невестке. – Только хранитель может с богами говорить, а не кучка крестьян. Они думают, что достойны, да?

– Тише, мама, – нетерпеливо зарычал ее сын.

– Вот увидите, – старуха закивала белой головой. – Разгневаются русалки от такого, разгневаются... Где это видано...

Венда, стоящая рядом, слушала этот и другие испуганные голоса. Она нервно переступала с ноги на ногу. Ранним утром делегация из долины постучала в двери ее избы, долго что-то объясняла и просила, чтобы она заменила хранителя. Они ужасно поругались, когда девушка уперлась и отказала. Она боялась ответственности.

Сейчас, хоть Венда и не считала себя более достойной, чем Костьян, кузнец или Ларс, она почувствовала угрызения совести. И у нее было плохое предчувствие. Люди правы, все одновременно не могут говорить с богами. С начала времен люди выбирали своего жреца, и только ему можно было говорить с творцами. Трое мужчин на краю озера могли их обидеть и вызвать большое несчастье.

А если такое случится, как она тогда справится с чувством вины?

Она боролась с собой, но не двигалась с места. А потом Костьян протянул свой калач в сторону озера, начиная молитву, и было уже поздно что-либо предпринимать.

– Боги озера! – крикнул он слишком громко и нервно, только увеличивая чувство неуверенности у собравшихся. – У нас для вас подарки. А вы, если бы могли, то... ну, мы просим о вашей милости на следующий год!

Он повернулся, ища поддержки в лицах товарищей.

– Госпожи русалки! – зычным голосом прокричал Здамир, пытаясь за криком скрыть волнение. – Отведайте и не убивайте никого аж до следующей русалии!

Ларс, которого толкнул кузнец, прочистил горло и, протянув свой калач, промолвил приятным голосом:

– Всевышние боги, примите наши дары и простите нам, у нас еще нет хранителя, и мы сами... говорим с вами, – после чего, не зная, что еще сказать, неловко замахал и кинул калач в воду, как можно дальше.

Венда аж застонала, слушая эту молитву. Она сжала в ладонях края льняного платья. Не так следовало это делать. Люди вокруг тоже были не в восторге, но молодежь уже мысленно плела праздничные венки. И только старые или слишком богобоязненные переглядывались между собой или кидали взгляды на озеро, словно надеялись узреть там насланного божьим гневом водяного дракона.

Брошенные на темную поверхность воды калачи качались на мелких волнах. Когда уже все двинулись к столам, знахарка подошла к самому берегу и была единственной, кто провожал их взглядом. Она ждала, пока они утонут и таким образом будут приняты живущими в воде созданиями.

И чем дольше калачи плавали на воде, тем больше ее охватывало беспокойство.

Тем временем гусли заиграли веселую мелодию, и люди пошли танцевать. Теплый горный ветер кружил по лугу, лаская румяные щеки девушек и бросая им волосы в глаза. Сталка вздохнула полной грудью с удовольствием.

– Чувствуешь, как пахнет, Ярел? – сказала она стоящему рядом медноволосому мужчине. – Это природа в чистом виде, дикость гор, плывущая в воздухе... Сейчас понимаю, как мне этого не хватало. Это может стать темой для баллады? Тоска горца, живущего за горами, лесами и маленькой родиной... но нет, это никогда не примут. Люди бы не поняли.

Ярел в ответ вежливо улыбнулся. В вопросах поэзии он мало что мог сказать, он и в горах не бывал, и его вообще не интересовало, про что говорит его подруга-менестрель.

– Вижу, что ты даже не понимаешь, про что я говорю, – сказала она едко.

– В балладах я немного смыслю. В отличие от тебя, я зарабатываю на жизнь битвой с реальностью, – ответил он, криво усмехнувшись, на что она ответила тихим фырканьем. – Кстати, о битве с реальностью, – добавил он через мгновение, – какое у тебя впечатление от возвращения в корчму? По-прежнему ничего?

Она нахмурилась и покачала головой.

– Ничего. Это странно, но я была уверена, что возвращение – это то, чего он от меня хотел, а пока он не появлялся даже во сне. Сама не знаю, может, это уже конец?

Ярел наблюдал за людьми, и, казалось, это полностью поглощало его внимание. Сталла посмотрела на него, желая прочитать ответ в его зеленых глазах.

– Твой муж плохо выглядит, – отозвался он через минуту.

Она посмотрела в ту же сторону. Ярл угощался медом в компании Костьяна. Хоть он и смеялся, его лицо изменилось, а спина не была такой прямой, как раньше.

– Его мучают головные боли, – тихо буркнула она, хотя с этого расстояния корчмарь не мог ее услышать. – Венда сделала ему какой-то отвар, но он, похоже, не слишком помогает. В любом случае, это, наверное, ветер с гор. Многие жалуются.

Сталла наблюдала за Вилью. Она держала за руку Огонька. Девочка несла небольшой фонарь. Она сама его сделала, на что намекали его кривизна и невероятное выражение гордости на веснушчатом лице малышки. Менестрель улыбнулась ребенку и собиралась подойти поздороваться, когда Ярел, все еще глядя на Ярта, вполголоса произнес:

– Что-то мне говорит, что это еще не конец.

* * *

– Не понимаю, о чем ты, – казалось, Атра полностью поглощена выбором следующего пирожка. Краем глаза она видела выражение лица матери и знала, что та скоро взорвется. Но она не собиралась этим заморачиваться.

Время шло, а веселье только набирало силу вместе с объемом выпитого меда. Музыканты играли на гусях, молодежь и старики танцевали, еда исчезала со столов так же быстро, как и напитки. Приближалась полночь, а вместе с ней и главное событие дня.

– Ты не молодеешь, – повторила мать со скрываемой злостью.

– Естественно, мама, – ответила девушка со сладкой усмешкой. – С простыми смертными это обычно и происходит, правда?

Мать сурово посмотрела на нее. Она старалась быть твердой, но хорошо знала, что если Атру заставлять, та сделает все шиворот-навыворот. Но в этот раз она не собиралась сдаваться, они уже все обговорили с мужем. Конец поблажкам.

– Мы с отцом решили, что в этом году ты выйдешь замуж. Нравится тебе или нет, – не обращая внимание на свирепый взгляд дочери, она продолжила: – Мы тебе давали слишком много свободы, больше, чем другие родители своим дочерям. Мы не хотели тебя заставлять, но тебе уже много лет. Парни смотрят на тебя, а ты все не можешь выбрать.

– Могу, – прервала ее злым шипением Атра. – Могу выбрать, только меня не интересует ни один из этих крестьян.

– Нашлась мне княгиня! – возмутилась мать, заламывая руки. – Разуй глаза, девочка, ты и сама крестьянка, и никого другого, кроме крестьянина, в этой долине ты не найдешь!

– С чего это ты взяла?

Мать вздохнула, покачала головой. Несколько минут она смотрела на дочь и пыталась понять, куда подевалась та маленькая девочка, которую нельзя было оторвать от материнской юбки и которая сразу поднимала шум, как только мать исчезала из ее поля зрения.

– Сплети венок, Атра, – потребовала мать категоричным тоном. – Конец играм.

– Я если не сплечу? – девушка вызывающе задрала подбородок.

Мама пожала плечами.

– Это только обычай. Если сегодняшней ночью не появится тот, кто тебе предназначен, мы с отцом сами выберем для тебя наилучшего кандидата. Так что ты отдашься либо воле богов, либо воле родителей, и это последнее решение, которое мы позволяем тебе принять самой.

Выражение лица девушки изменилось.

– Не делайте этого, мама, – сказала она предостерегающим тоном. – Я не могу выйти замуж. Никого нет настолько сильного, чтобы... – Она тряхнула буйной светлой шевелюрой. – Не знаете, с кем связались.

– Ой, не пугай меня, деточка, – мать махнула рукой. – Скажу тебе, что тот, кого для тебя выберем, будет достаточно сильным, чтобы тебя наконец вразумить. – И добавила таинственным тоном: – Гости сегодня к отцу приходили. Сваты.

Глаза Атры стали как блюдца.

– Ради Элленале, – прошептала она. – От кого?

* * *

В полночь на луг внесли корзину с цветами. Молодые девушки с хохотом уселись вокруг нее и начали плести венки. Музыка изменила темп и стала более романтической. Фонари освещали

щали поляну теплым светом, и даже горный ветер почти стих. Атмосфера стала серьезной и спокойной.

Парни кружили вокруг девушек, подглядывая за их работой. Каждая вплетала в венок характерные мотивы, по которым парни могли распознать работу своей избранницы. Озеро в долине было длинным, а его воды обманчивыми, полными водоворотов и злобных русалок. Девушки старались, как могли, чтобы их венок был в состоянии переплыть от одного конца озера к другому.

Старались, хотя и не все.

Атра долго тянула, прежде чем начала плести. Злая и беспокойная, она не могла усидеть на месте, то приближаясь к корзине, то с фырканием отходя от нее. Наконец она сдалась, села с ближайшей группкой девушек и поспешно сделала неряшливый круг.

– Атра, ты плетешь венок? – удивленно спросила одна из девушек.

– Посмотрим, может, кого боги накажут, – усмехнулась она, хотя ни одна из девушек не поняла, о чем она говорит.

– Он слабоват, – заметила Аника, старшая сестра Яды. В ее голосе слышалась тень злости. На открытую язвительность против властной и холодной Атры она бы не отважилась. – Ты никогда этого не делала? Надо плотнее плести, иначе цветы распадутся и не доплывут до берега.

Атра снова усмехнулась, так же сладко, как и раньше.

– Ну да, я бы этого не хотела... Но вы все видели, что я сплела венок, да? – они закивали. Она улыбнулась еще шире, явно довольная собой. – Об этом и речь.

После чего она отошла, покачивая бедрами.

Венда и Яда сидели неподалеку и неспешно работали над своими венками.

– Ох, даже наша богиня что-то сплела в этом году, – Венда проводила Атру взглядом, когда та прошла мимо них, и улыбнулась собственным мыслям.

– Тише, а то услышит, – буркнула Яда, на что Венда фыркнула.

– Я боюсь. Вдруг она поразит меня молниями из своих прекрасных, кошачьих глаз?

Яда захохотала.

– Ох, вижу, ты ее не любишь.

– Ну что ты! – иронизировала Венда. – Не люблю больно важных, а люди вместо того, чтобы стукнуть такого по голове и вернуть на землю, еще преклоняются перед ним. В конце концов, ты так же красива, как она, и намного милее. Ох, я не справлюсь с этим! – она раздраженно зарычала. – Ну почему ты не хочешь держаться?

– Ты оставила слишком короткие хвостики в начале, – оценила профессионально Яда, польщенная ее словами. – Держи, я помогу тебе. Теперь должно быть хорошо.

– Красная ленточка, – раздался над ними мужской голос. Они почти подскочили от неожиданности.

– Рестко, ты можешь не подкрадываться? – отругала парня Яда.

Сыну кузнеца стало не по себе, он растерял всю смелость, которой его зарядили отец и дядя.

– Красная ленточка, ага, – повторил он.

– Да, ты уже это говорил, – сказала Венда, а Яда еще и захохотала.

– Я должен запомнить, – усмехнулся он вяло, разглядывая их работу. – Чтобы знать, какой венок ловить.

Венда застыла. Она вспомнила разговор, про который рассказал ей однажды Имир. Сейчас она пожалела, что позволила Яде уговорить себя. Она должна была прикинуться больной и остаться дома, в безопасности до следующего года.

– Я еще не знаю, брошу ли венок, – буркнула она неуверенно.

– Естественно, бросишь! – возмутилась Яда. На ее лице появилась знакомая знахарке улыбка свахи.

Венда почувствовала себя в ловушке.

Вот тогда музыканты дали сигнал, что уже пришло время девушкам кидать венки в воду. Яда потянула подругу за руку к озеру, а Рестко вместе с другими парнями побежал в противоположном направлении, чтобы занять лучшее место возле освещенного фонарями брода, места, где озеро снова превращалось в ручей.

Яда с молитвой положила свой венок на темную поверхность и осторожно толкнула его в сторону главного течения. Венда знала, на что та надеялась. Сама она тянула, но под грозным взглядом подруги также опустила цветы в воду.

– Может, не доплывет, – взмолилась Венда.

– Доплывет, – заверила ее Яда. Не в таком утешении Венда нуждалась. – Это хороший, крепкий венок.

Рядом полетел неопределенный пучок веток, которые сложно было назвать венком. Атра замахнулась что было сил, а потом с вызовом посмотрела на мать и криво хмыкнула.

– На кого выпадет, тому беда, – буркнула она.

Девушки наблюдали за вереницей венков на воде, но те быстро исчезали с глаз, уносимые течением за пределы фонарей. Вскоре внимание всех сосредоточилось на другой стороне озера, и девушки вернулись на луг.

Парни, стоя по колено в воде, кричали что-то друг другу, толкались и боролись за венки. Каждую минуту кому-то удавалось выловить венок. Тогда он выходил из воды и с триумфом возвращался на поляну. Девушки или радовались, или притворялись, что радуются. Иногда не притворялись и с криком убегали в избу, оставляя кавалера с трофеем в щекотливой ситуации.

Через какое-то время немногочисленные, мокрые и потрепанные венки еще плыли по воде. Венок Венды, к сожалению, тоже. Ничего хорошего из этого не могло получиться.

– Может, где-то зацепится и не доплывет до брода, – сказала она в очередной раз стоящей рядом Яде. – До сих пор не знаю, зачем это сделала. Я должна сейчас оплакивать хранителя, разве нет?

Яда пожала плечами.

– Думаю, что прежде всего ты должна позаботиться о себе и найти того, кто позаботится о тебе в трудное время. А такая ночь только раз в году.

Венда скривилась от собственных мыслей.

– О, смотри! – произнесла она вполголоса. – Люс бежит. Яда!

Дочь мельника стояла словно зачарованная. Словно приросла к земле. Она не отрывала взгляда от высокого, стройного и самого завидного холостяка в долине. Парень был с головы до ног в воде, он весь промок, чтобы добыть венок, который нес над головой. Светлые волосы облепили слегка квадратное лицо, широкая шея и мощная спина были закалены физической работой.

– Ох, если бы когда-нибудь он заметил, что я существую, – застонала Яда, когда Люс остановился, слегка смущенный, выглядывая владелицу венка. – Я бы тогда оставила Элениале не один пирожок, а целую тарелку наилучших вкусовостей. Тех, что так трудно приготовить...

– Яда? – прервала ее Венда, прикасаясь к руке.

– Что?

– Смотри.

Парень шел прямо к ним.

Он очаровательно усмехнулся, убирая с лица светлые пряди и стряхивая воду. Венда машинально отодвинулась от Яды, когда стало ясно, к кому из них он направляется.

– Голубая лента с красными ромбами, – парень вытянул перед собой что-то, что едва ли можно было надеть на голову. – Это твой, Яда?

Девушка выглядела так, словно превратилась в соляной столб.

– Д...да, – выдавила она. На большее она была не способна.

– Я знал, что в этом году у меня получится! – усмехнулся Люс, подходя так близко, что у бедной девочки полностью перехватило дыхание. – Голубая лента. Как твои глаза, – произнес он так, чтобы только она услышала. – Ни у кого нет таких глаз во всей долине.

Она растерялась и опустила глаза. Венда хотела подойти и хлопнуть ее по спине, чтобы к ней вернулся ее обычный дар говорить. Вместо этого она тихонько отошла, усмехаясь под нос.

«Значит, один маленький пирожок, как оказалось, может что-то изменить. Надо бы и мне попробовать, – подумала она. – Только печь я не умею. Во всяком случае ничего, что людям бы захотелось попробовать во второй раз. Тем более богу».

– Венда! – из задумчивости ее вырвал чей-то голос. – У меня твой венок!

– О боги... – она отвернулась, но бежать было некуда. После такого крика половина деревни смотрела в ее сторону и толкала вторую половину, чтобы тоже посмотрела.

В круг света от фонарей заскочил Рестко и, размахивая цветами над головой, бежал в ее сторону с широкой улыбкой.

«Никто меня не заставит, – промелькнуло у нее в голове. – Хранителя нет, и никто меня не заставит...»

– Рестко... – заколебалась она, когда, наконец, он остановился и, тяжело дыша, протянул ей свою добычу.

– Да, жена? – рискнул он пошутить.

Она посмотрела на него, взяла венок и отдала назад.

– Эта лента не красная, – заявила она. – Это не мой венок.

Она терпеливо ждала, пока эта новость дойдет до мозга молодого человека.

– Как не твой? – пробубнил Рестко. – А чей?

Она пожала плечами.

– Синяя лента чья? – закричала она во все горло, так, что аж сын кузнеца скривился.

– Моя! – неуверенно сказала Мирва, а Здамир от отчаяния и злости ударил себя по лбу.

Так Рестко, к радости толпы, поймал венок своей сестры.

Венда вздохнула с облегчением, и ей немного стало жаль молодого человека.

Но это быстро прошло.

Тем временем возле брода опустело. Большинство венков уже проплыли до ловцов, но остались не востребованными. Парни возвращались на поляну с пустыми руками, чтобы присоединиться к танцующим и пирующим соседям.

– Никто не поймал, как мне жаль, – улыбнулась родителям Атра.

– Видать, никто тебя не хочет, – съязвил ее отец.

– Ну тогда останусь старой девой.

– Ну уж нет! – мама покачала головой. – Сваты были сегодня, и мы уже обо всем договорились. Выйдешь замуж еще в этом году, никакие уловки тебе не помогут.

– Но он поймал венок! – возмутилась девушка. – Вы не можете противиться воле богов. Он мог поймать мой венок, а поймал тот! Похоже, так должно было быть.

Мама пожала плечами.

– Сваты были у нас перед венками.

Атра одарила ее свирепым взглядом, повернулась на пятках и промаршировала в сторону деревни. А потом дальше, в лес, тропинкой, которой никто не ходил, к заброшенному кладбищу. Какой-то кобольд заметил ее между деревьями и усмехнулся сам себе, когда почувствовал запах смерти, что окружал девушку. Он закрыл уши и быстро удалился.

* * *

Имир остался один возле брода, но отступить не собирался. В последнее время для Венды он был слишком занят, но отсутствие встреч только раззадорило его аппетит этим вечером.

Он долго мерз в ледяной воде и уже решил отступить, когда увидел венок с красной лентой, который, однако, плыл к противоположному берегу – не со стороны деревни, а у леса. Достаточно близко, чтобы поймать. Высоко поднимая ноги, он побежал к нему.

Имир добрался до венка, когда тот зацепился за свисающую ветку лесного кустарника. На мгновение показалось, что венки поплывет дальше, но, к счастью, этого не случилось.

Имир обрадовался, уже мечтая, как отнесет венки Венде.

– Есть! Поймал! – воскликнул он, хватая мокрые цветы. – Ты ждал меня?

Тем временем от деревни прибежал Вастир, а за ним Виера, его жена.

– Люди! – закричали они крестьянам, стоящим возле дороги. – Оборотень!

Толпа заволновалась. Это слово изменило настроение, его звучание словно обрезало смех. Его смысл медленно доходил до людей.

– Что?

– Какой оборотень?

– Напал на Тинне! Ударил его! Но убежал, как его бабу заметил!

– Тинне? Оборотень?

– За избой Костяна! Быстро! Тинне кровью истекает! Едва живой!

– Оборотень! – разносилось вокруг.

– Оборотень! Люди!

Движение на дороге привлекало внимание все большего количества людей, веселящихся на лугу. Смех стих, шепот нарастал.

Но еще не достиг реки, где Имир поднес выловленный венки к губам и осторожно поцеловал. Потом поднял его высоко над головой.

– Венда-а-а-а! – закричал он в сторону гуляющих на другом берегу озера. – У меня твой венки!

Все повернулись в сторону сына корчмаря.

Парень все еще стоял на месте, махая бесформенным венком над головой. Толпа на берегу удивленно выдохнула. От леса, за спиной Имира, отделилась темная фигура и обрушилась на спину парня. Беззащитный Имир упал лицом в воду.

Большая тень минуту боролась с ним, после чего выскочила из воды и исчезла в лесу.

Крестьяне кинулись к Имиру. Через мгновение вытащили его на берег, на свет фонарей и факелов. Возбужденная толпа задыхалась от страха. Все видели это создание!

Все видели оборотня.

Глава 5. Нечего бояться

- Ты дурак! Зачем ты это сделал?
- Это не твое дело, старуха!
- Это было глупо. Опасно и глупо.
- Замолчи, бабка. Ты, наверное, забыла, кто из нас сильнее.
- Сила не идет за руку с умом, ты дурак... Я видела и посильнее тебя, и таких глупостей они не делали.
- Да? И где эти твои умные силачи? На кладбище. Я ничего не делаю просто так, без цели.
- А эта цель хотя бы не такая глупая, как ты? Ой, а ну тихо, не рычи. Не выношу, когда ты рычишь в моей избе. Можно зайкой стать. Глупый... Выскакивать из кустов и людей пугать... Интересно, какая в этом цель?
- Так нужно было, ведьма. Таким было предназначение.

* * *

Той ночью немногие легли спать, а из тех, кто лег, немногие заснули. Когда из-за пиков появились первые лучи солнца и поплыли по долине, деревня ожила. Люди выходили из изб, искали соседей и обменивались сплетнями. Комментировали, выдвигали новые версии, строили гипотезы и, как это обычно бывает, несли полную чушь.

- Это наказание за общение с богами. Мы обидели их, и они отправили к нам оборотня!
- Нет, это они возвращаются, говорю тебе!
- Но девушка говорила, что это был не оборотень.
- Да что она знает?! Ее венок чудовище украло, может она с ним в сговоре?
- Ее венок? – спрашивали другие. – Хорошо, нам традиция показала, кому девушка принадлежит...

И так множились догадки, и каждый верил в то, что хотел.

Тем временем из леса вышел вооруженный мужчина. Ярел был одет во вчерашнюю красную тунику с широкими рукавами, украшенную зелено-золотой вышивкой, нетипичные для Волчьей Долины кожаные брюки и высокие сапоги. Он шел уверенным, ровным шагом, а меч на его боку мерно покачивался. Влажные от росы медные волосы, которые вылезли из-под ленты, что стягивала их на затылке, падали вокруг лица. Когда он проходил мимо изб, люди прекращали разговоры и смотрели на него.

Мужчина прошел главную улочку и дошел аж до колодца перед домом кузнеца. Когда он направился к корчме, то заметил выходящую оттуда девушку. Каждое ее движение говорило о бессонной ночи. Она поравнялась с ним и слабо ему улыбнулась.

- Привет, Венда, – поздоровался он.
 - Здравствуйте, господин Ярел, – ответила она. – И все же вы пошли его искать.
 - Мы должны обращаться друг к другу по имени, – усмехнулся он кончиками губ.
- Она кивнула в ответ.
- Конечно, трудно привыкнуть.

Она не была ослепительной, как Сталла, он даже не назвал бы ее красивой. Обычная уставшая девочка. Серые глаза, волосы не то светлые, не то бронзовые, изношенное платье – слишком практичная, чтобы быть привлекательной. Но несмотря на это, у девушки было что-то, что его заинтересовало. Он еще вчера вечером заметил, возле озера, до того, как началась история с оборотнем. То, что он услышал позже, это только подтвердило.

* * *

– Оборотень!

Имира вытащили из воды, и через минуту Сталка, Ярл и несколько крестьян приводили его в чувство. Ярел, из-за отсутствия меча ругаясь на чем свет стоит, всматривался в лес с другой стороны брода, но не заметил никакого движения. Не почувствовал ничего.

Со стороны луга бежала девушка с длинными до пояса волосами. Она оттолкнула мужчину и протолкнулась между собравшимися именно в тот момент, когда Имир очнулся и выплюнул воду. Она присела перед ним, наспех оглядела голову, окинула взглядом все остальное тело – никаких видимых ран, кроме красных следов на челюсти и разбитой губы.

– С ним все хорошо. Отнесите его в корчму, – распорядилась она. – Я осмотрю его, как только узнаю, что с господином Тинне.

Она поднялась и побежала в сторону деревни. Не задумываясь, Ярел двинулся за ней.

– Ярел?! – закричала Сталла плаксивым, перепуганным голосом.

– Я должен, – ответил он коротко. – Встретимся в корчме.

Потом он развернулся и побежал за девушкой, которой удалось уже преодолеть часть пути. Все бежали в сторону деревни и закрывались в избах.

Венда побежала дальше. Ярел уже был рядом с ней, когда с удивлением заметил, что люди действовали словно по давно отрепетированному для такой ситуации плану. Изумление прошло, и сейчас они даже не кричали, только звали детей и загоняли в безопасное место.

– Какие спокойные... Им не страшно? – удивленно воскликнул он, не то себе, не то девушке.

Она окинула его изумленным взглядом, словно лишь сейчас заметила его присутствие.

– Господин, это же Волчья Долина! Еще недавно те, кто на крик «оборотень» теряли голову, теряли и жизнь. Мы потомки тех, кто сохранял спокойствие и думал о том, как выжить. А сейчас спрячьтесь где-нибудь.

Ярел обалдел. Он и не помнил, когда в последний раз кто-то его воспринимал таким образом. Его развеселила эта ситуация. Однако не смог ничего ответить, потому что как раз сейчас они выбежали на так называемую улицу и почти столкнулись с группой мужчин, понимающих с земли усатого крестьянина с фигурой быка. Кровь из разбитой головы заливала ему лицо. Он был без сознания, а какая-то женщина, скорее всего жена, вопила так, словно его уже хоронили.

– Не вой, баба! – рявкнул ей один из крестьян. – Если будешь так горланить, все оборотни сбегутся.

Венда остановилась, переводя дыхание.

– Это не оборотень, – заявила девушка тоном, не терпящим возражений. – Оборотень разорвал бы ему брюхо или горло, а не ударил по голове.

– Это был оборотень! – жена Тинне плакала. – Я видела что-то косматое, оно убежало за дом кузнеца, когда я вышла из избы! Тинне зашатался и ударился головой об колодец!

– И оттуда рана, – огрызнулась девушка. – От колодца, а не от чудовища. Думаете, если бы это действительно был оборотень, он бы испугался бабы! Оба были бы уже мертвы.

Три секунды тишины, которые собравшиеся потратили на размышления, знахарка восприняла как согласие.

– Занесите его в избу, – приказала она. – Эти раны нужно зашить, я принесу инструменты.

Они беспрекословно подчинились. Только жена Тинне рыдала и завывала как раньше. Тем временем Венда развернулась на пятках и недовольно скривилась, когда у нее на пути встал Ярел.

– Подождите, госпожа! – он схватил ее за руку, прежде чем она успела пройти мимо. – Я пойду с вами, позвольте мне только взять меч из корчмы.

Она колебалась, открыла рот, словно хотела что-то сказать, но в итоге только кивнула головой.

– Я жду вас, только поторопитесь.

Вскоре они были единственными, кто остался на улице, ступив на тропинку, ведущую в лес, оставляя за собой замершую деревню. Бор, к которому они бежали, казался черным, и Ярел не мог избавиться от впечатления, что в нем скрывается множество изголодавшихся глаз и клыков. А поскольку он был профессионалом, то точно знал, что так оно и есть.

Они добрались до втиснутой между деревьями избушки. Прошли мимо всегда открытой калитки и бурого кота, который, недовольно мяукая, вышел на улицу. Девушка проигнорировала его и одним прыжком заскочила в дом. На ощупь зажгла свечу и всунула ее в щель в столе. Закружилась по избе, упорно что-то выискивая. Она нигде не находила сумки хранителя и не помнила, куда он ее кинул.

Наконец заглянула в сундук и, криво улыбнувшись, вытащила небольшую котомку.

– Мы можем идти, – сказала она.

Они оставили дом и двинулись по тропинке вниз. Венда почти бежала, и Ярел едва поспевал за ней.

– Нам не нужно так спешить, – отозвался он через секунду. – Этот человек не умрет от потери крови из-за какой-то поверхностной раны.

– Вам знакомо врачевание? – спросила она удивленно. – Я думала, что вы, скорее, человек меча.

– Я занимался в жизни разными вещами, – хмыкнул он, а когда она не ответила, то добавил: – Это не мог быть оборотень. Сегодня не полнолуние.

Она рассмеялась.

Лишь через мгновение до нее дошло, что он не шутил.

– О, простите, – быстро сообразила она. – Вы серьезно говорили, правда? Ну да. Не знаю, сколько вам известно об этом месте, но у нас оборотни и другие создания бегают при любой фазе луны. Всегда так было. И сейчас мы спешим в деревню не потому, что Тинне угрожает опасность. Речь идет о том, что пока мы близко к лесу, то опасность может угрожать нам, понимаете?

– Понимаю, – ответил он. – Понимаю, что вы в это верите. Однако опыт подсказывает мне, что в девяти из десяти случаев чудовища являются следствием человеческого воображения.

Венда пожала плечами, и он скорее почувствовал это, чем увидел.

– Ну, – кинула она с сарказмом, – мой опыт подсказывает что-то совершенно противоположное.

Они уже вышли к первым избам. Корчма и дом Тинне находились ровно в противоположных концах деревни, поэтому им предстояло еще преодолеть главную улицу.

– Я бы охотно послушал про ваш опыт, – Ярел усмехнулся. – Вы, госпожа, отличаетесь от жителей долины, с которыми я встречался. Вы даже говорите по-другому, – сказал он вполголоса. Он чувствовал на себе взгляды людей, следящих за ними через щели в стенах домов, притаившихся в избах при погашенных лучинах. – Несмотря на свой юный возраст, вы можете заставить людей... слушать.

Она тихо фыркнула.

– Вы ошибаетесь. Я не так молода и, к сожалению, никто меня не слушает. И прошу, не обращайтесь ко мне «госпожа». Никто тут ни к кому так не обращается. Меня зовут Венда.

– Конечно, Венда, в таком случае вы тоже называйте меня по имени. Меня зовут Ярел.

Девушка кивнула.

– Хорошо. Мы на месте. Благодарю за заботу.

Она постучала в двери. Именно в этот момент над долиной разнесся одинокий волчий вой.

Они оба задрали головы вверх.

Корчма выглядела удивительно маленькой по сравнению с вертикальной скалой, которая возвышалась над ней. На вершине этой скалы, словно мрачная птица, высились очертания руин.

– Это оттуда, – сказал мужчина.

– Да, – ответила знахарка странным, сдавленным голосом.

Он попытался разглядеть выражение ее лица, но тщетно.

– Вероятно, это оборотень с озера, – буркнул он.

– Оборотни не бьют крестьян по морде и не убегают от чужих жен, – ответила она тихо. –

Это не оборотень, только...

– Только что? – спросил он, поскольку девушка с подозрением взглянула на него и не ответила. – Пойду поищу этого монстра, – сказал он, направляясь в сторону холма.

– Нет! – почти выкрикнула она и сразу об этом пожалела.

Ярел наморщил брови. Какой-то маленький звоночек раздался в его голове.

– Почему? – осторожно спросил он.

Он не получил ответа, потому что двери избы открылись и через щель вырвался луч света.

– Это ты, Венда? – услышали они мужской голос. – Почему не заходишь?

– Уже иду, – ответила она с явным облегчением, но, заходя в избу, она повернулась к Ярелу. – Спрячьтесь, прошу вас. Бег по лесу ни к чему хорошему не приведет.

Она ему улыбнулась и тихо закрыла двери.

Оставшийся на пустой улице мужчина на мгновение задумался, прислушиваясь к голосам ночи. Он мог развернуться и уйти. Вернуться в корчму, к Сталке, которая нуждалась в нем и его знаниях. Он также мог поддаться инстинкту и попытаться узнать, есть ли хоть доля правды в рассказах про Волчью Долину.

Подул теплый ветер с горных вершин, что пах весной и растаявшим снегом. Ярел развернулся и пошел в корчму.

Повторный вой одинокого волка прозвучал как вызов.

Он остановился. Вытащил меч и, изменив намерения, бесшумно отправился в сторону леса.

* * *

Они стояли перед корчмой, оба уставшие после бессонной ночи.

– Ничего не нашел, – произнес он с легкой улыбкой. – Никаких чудовищ, никаких оборотней. Ничего.

Она пожала плечами и едва улыбнулась. Тени под ее глазами стали выразительней.

– Но это ведь хорошо, не так ли? Боги тебя, похоже, любят.

– Да, наверное... А как те двое? Ты, кажется... раздражена?

Венда кивнула.

– С ними ничего не случится, пусть отдыхают, им необходимо после удара по голове. Мне тоже нужен сон, глаза слипаются. А ты должен увидаться с госпожой Сталлой, она беспокоится о тебе.

– Беспокоится?

– Да, ругалась на тебя всю ночь. Люди так долго ругаются, только когда действительно беспокоятся. – Она широко зевнула, закрыв ладонью рот. – Я пойду, у меня корова не доена и ничего не ела со вчерашнего дня.

Когда она прошла мимо, он заколебался секунду и спросил, что явно далось ему нелегко:

– Венда, почему ты не хотела, чтобы я искал того волка? Вчера вечером, когда тот был на руинах.

Она неохотно остановилась. Она действительно устала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.